

*«Зловещее путешествие в мрачное будущее,
которое лишит вас дара речи!»*

Кэсс Морган,
автор серии бестселлеров «Сотня»

THE BЛОК

БЕН ОЛИВЕР

**ВЫЖИТЬ. СБЕЖАТЬ.
И ТАК ПО КРУГУ.**

18+

Петля будущего

Бен Оливер

Блок

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Оливер Б.

Блок / Б. Оливер — «Эксмо», 2021 — (Петля будущего)

ISBN 978-5-04-190433-3

Лука снова в плену тюрьмы. Но на этот раз его судьба хуже смерти. В «Блоке» – еще более мучительном и жутком месте, чем «Аркан», – он подвергается Жатве энергии для искусственного интеллекта в течение целых двенадцати часов. В его тело вживлена специальная технология киборгов, Совершенных, что позволяет им вытягивать из заключенных еще больше ресурсов. Чтобы люди не сошли с ума, здесь предусмотрена специальная Зона Разума. В этой виртуальной реальности заключенные воплощают в жизнь свои фантазии о жизни на открытом воздухе. Но Лука не готов мириться с таким положением дел. Он полон решимости выяснить, где находятся его исчезнувшие друзья, и выбраться на свободу во что бы то ни стало. Еще один побег – единственный шанс защитить тех, кто «пропал без вести». И поскольку внешний мир становится все более непредсказуемым, может потребоваться целая армия, чтобы помешать мировому правительству осуществить свои грандиозные планы. Сможет ли Лука сохранить рассудок в этом аде безумия столь долго и противостоять мощным нечеловеческим силам?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190433-3

© Оливер Б., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

День 6 после войны	7
День 7 после войны	8
День 31 в блоке	11
День 32 в блоке	19
День 34 в блоке	22
День 36 в блоке	23
День 38 в блоке	24
День 39 в блоке	25
День 41 в блоке	26
День 43 в блоке	27
День 45 в блоке	28
День 49 в блоке	31
День 1 вне блока	37
День 2 вне блока	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бен Оливер

Блок

Ben Oliver
The Block

© Руснак К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Холли! Книги, а? Кто бы мог подумать, да? (Только ты!)

*Почему мы запрограммированы на то, чтобы видеть мир
прекраснейшим в момент, когда нас вот-вот замочат? Чувствуют ли
кролики то же самое, когда лисьи зубы вонзаются им в загривок?
Может, это милосердие?*

«Год потоп», Маргарет Этвуд

День 6 после войны

Победа над Хэппи обошлась нам дорогой ценой.

Лежа здесь и глядя в потолок своей квартиры на сто семьдесят седьмом этаже Вертикали «Черная дорога», я спрашиваю себя, можно ли было сделать что-то иначе?

Пандер покончила с собой после того, как Хэппи загрузилась в нее; Пода насмерть зарезал Совершенный, преданный делу ИИ¹; Малакай погиб в битве на Втором Уровне Города, а Игби подстрелили в небе, когда он летел за ключ-картой, которая позволила бы нам получить доступ к подземному бункеру, где Хэппи хранила свои серверы.

Но самую большую жертву принесла Акими, врезавшись в хранилище энергии с плазменными гранатами, взорвав себя вместе с системой жизнеобеспечения Хэппи. После этого нам просто нужно было оставаться в живых до тех пор, пока запасенная ИИ энергия не иссякнет.

– О чем думаешь? – спрашивает Кина, входя в комнату и ложась рядом со мной.

– Так... обо всем, – отвечаю я, улыбаясь тому, что она жива, и тут же чувствую себя эгоистом.

– Я тоже, – говорит она, проводя рукой по моим волосам. – Кажется, я только об этом и думаю.

– Ты чувствуешь вину? – спрашиваю я. – За то, что мы выжили, а остальные...

– Да, – отвечает Кина, – постоянно. Мне это снится, я просыпаюсь по ночам и...

Она замолкает, в ее глазах блестят слезы.

– Не знаю, чего я ожидал, – говорю я. – Я представлял себе конец войны прекрасным, представлял нас всех вместе, живыми.

– Они погибли, сражаясь за то, во что верили, – отвечает Кина. – Они сражались друг за друга и за нас, за все человечество. В конце концов, все мы были готовы умереть за дело, так что в этом смысле их смерть благородна и отважна. Их навсегда запомнят героями.

– Знаю, – говорю я, – но я бы отдал все, чтобы они вернулись сюда, к нам.

– Я тоже, – Кина целует меня в щеку. – Постарайся поспать хоть немного.

Она ложится поудобнее, а я продолжаю смотреть в потолок сквозь темноту.

Не знаю, сколько я так пролежал, но прежде чем погрузиться в беспокойный сон, я думаю: «Когда же это случится?»

¹ ИИ – Искусственный Интеллект (прим. ред.).

День 7 после войны

Я просыпаюсь на рассвете.

Встаю, стараясь не разбудить Кину, и иду на кухню.

Электричества сейчас нет, особенно после взрыва зажигательной бомбы, произошедшего в самом конце, да и вода поступает теперь только из дождевых коллекторов, и мы вынуждены распределять ее разумно, поскольку Хэппи в свои последние несколько минут работы от батарей пыталась отравить дождь, тем самым навсегда изменив погоду. Теперь у нас в основном палящая жара и пятиминутные проливные дожди раз в три-четыре дня.

Я смотрю на город, наполняя бутылку водой наполовину. Сплошные развалины. Некоторые районы до сих пор дымятся и тлеют, здания продолжают обваливаться. Палящее солнце и отсутствие дождя превратили реку в широкую тропу из потрескавшейся грязи, петляющую сквозь сгоревший город.

Я переодеваюсь в джинсы и черную футболку, натягиваю ботинки и как можно тише выхожу из квартиры.

Как обычно, на полпути вниз по ста семидесяти шести лестничным пролетам я твержу себе, что сегодня же мы с Киной переедем в квартиру на первом этаже! Но знаю, едва мы начнем осматриваться, я снова стану нервничать. Не просто нервничать, а тревожиться, словно уход из моего прежнего дома каким-то образом запятнает память о моих умерших матери, отце и сестре.

Отгнав эти мысли прочь, я продолжаю спускаться, наконец дохожу до парадных дверей здания и выхожу на улицу в зной и ослепляющий свет.

Я осторожно иду через завалы, по обугленным улицам и кускам расплавленного металла, некогда бывшим, возможно, автомобилями, и, наконец, дохожу до склада неподалеку от фабричного квартала.

Сейчас надо быть осторожным, я не единственный собиратель. Многие выжили в войне с Хэппи: некоторые Совершенные продолжают выполнять приказы своего искусственного лидера, некоторые Убогие выжили благодаря тому, что в тот момент находились под воздействием «Побега», даже Полоумные – люди, сошедшие с ума от биологического оружия, пролившегося с неба вместе с дождевыми запасами Земли. Хотя большинство Полоумных уже мертвы. Те из нас, кто просто хотят выжить, еще не нашли способ общаться, и мы избегаем друг друга, опасаясь, что каждая живая душа может представлять угрозу.

Я захожу на склад через дыру во внешней стене, образовавшуюся в результате взрыва в последние мгновения войны. Все здесь разбросано и разграблено, полки практически пусты, остались только какие-то запечатанные в вакуумной упаковке фрукты да мешки с рисом.

Собрав основные припасы и положив их в рюкзак, я спускаюсь к той части реки, где еще осталось достаточно воды для поддержания жизни, и проверяю свои ловушки на наличие рыбы – пусто.

Я возвращаюсь к Вертикали «Черная дорога», двигаясь от здания к зданию осторожно и тихо, прислушиваясь к движениям, высматривая признаки жизни. Благополучно добравшись до невероятно высокого здания, я начинаю подниматься по лестнице. Теперь, когда рюкзак за спиной набит едой, мне приходится то и дело останавливаться, чтобы передохнуть. Добравшись до сто семьдесят седьмого этажа, я оставляю рюкзак у входной двери нашей квартиры и поднимаюсь на крышу.

Странно находиться здесь, наверху, где мы с сестрой стояли молча, потрясенные, когда с крыши насмерть упал мальчик. Его толкнула Молли. У нее не было выбора – он нацелил на нее пистолет, но версия о самообороне не сработала бы в суде, потому что перед этим мы его ограбили. Я взял вину на себя, сознался в убийстве Джейдена Рота и был приговорен к смертной казни.

«Здесь все и началось, – думаю я, глядя туда, откуда упал мальчишка. – Меня отправили в Аркан, на мне испытали вакцину против Полоумных, и так я пережил войну».

Я перевожу взгляд на другую сторону – туда, где отец, зараженный болезнью Полоумных, из последних сил столкнул с крыши одного из солдат Хэппи и так спас мне жизнь.

Победа над Хэппи досталась нам дорогой ценой.

Меня накрывает волна эмоций, но я сопротивляюсь и подавляю ее, сосредоточившись на саде.

Потребовалось почти два дня непрерывной работы, чтобы притащить сюда почву для сада и древесину, чтобы огородить его. Я посадил морковь, картофель, помидоры и стручковую фасоль. Уже есть признаки жизни: маленькие побеги, растущие из грядки с помидорами, и крошечные листочки, торчащие из почвы там, где посеяна морковь.

Ведром я зачерпываю то малое количество воды из коллектора, которое, как мне кажется, разумно использовать, и поливаю овощи.

«Когда же это случится? – думаю я, глядя на город, вдыхая теплый воздух. – Когда?»

Я вспоминаю Блок – самое мучительное, жестокое и жуткое место, в котором я когда-либо имел несчастье оказаться, и думаю о том, как выбрался оттуда. Неужели прошло уже двадцать дней? Двадцать дней со дня взрыва, выстрелов, криков и воплей? Под и Игби взорвали все здание. Они рассчитали точное количество взрывчатки, необходимое, чтобы взорвать заднюю стену и оставить заключенных в живых. Затем они вместе с Пандер, Акими и моей сестрой штурмовали здание, убив охранников и вытащив нас из парализующих кроватей.

Двадцать дней... столько всего произошло с тех пор, но кажется, будто ничего не изменилось. Я смотрю на город, на излучину реки, куда я, моя сестра и мои родители ходили солнечными днями. Смотрю на горизонт, где, поднимаясь все выше, светит утреннее солнце.

«Когда же это случится?» – думаю я.

Все это – сгоревший город, сгоревшая планета – тщетно; кажется невыносимым, что человечество сможет возродиться из руин, да это и не важно. Это не реально.

Все это не реально.

Я глубоко вдыхаю, чувствуя теплый воздух в легких, и возвращаюсь через узкий дверной проем вниз по деревянным ступеням обратно в коридор на верхнем этаже Вертикали.

Я спускаюсь на сто семьдесят седьмой этаж и возвращаюсь в свой старый дом – место, где я вырос.

Кина в гостиной, пишет в своем дневнике. Она поднимает взгляд, когда я вхожу.

– Привет, – здоровается она.

– Привет, – отвечаю я.

– Я снова пишу, – рассказывает она, почти виновато глядя на текст. – Мне кажется, это важно, люди должны знать, будущие поколения, понимаешь?

– Да, – отвечаю я.

Кина смотрит на меня и улыбается.

– Лука, не хочу пробуждать плохие воспоминания, но мне нужно убедиться, что все верно. Можешь сказать?..

– Погоди, Кина, – перебиваю я, – прошу, не надо.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает она, хмурясь.

– Прошу, не спрашивай меня.

– Не понимаю, – говорит Кина, слегка улыбаясь, словно я веду себя неразумно.

– Кина, если задашь этот вопрос, то все будет кончено.

– Лука, не понимаю, о чем ты. Ты меня немного пугаешь.

– Нет, ты понимаешь, – говорю я. – Прекрасно знаешь, о чем я, потому что на самом деле ты не Кина, мы на самом деле не в моем старом доме, война еще не закончена, а я все еще в Блоке.

– Это безумие, Лука, безумие! Ты не можешь в это верить!

– Это не вопрос веры, – отвечаю я, – это факт. В этот раз ты все тщательно продумала. Все спланировала, вела затяжную игру, были моменты, когда я почти позволил себе поверить в то, что все реально, но это не так. Все это мираж, уловка, чтобы выудить у меня важную информацию. Так что, знаешь... давай, задавай свои вопросы.

Выражение беспокойства на лице Кины сменяется на беспристрастие, но в глазах ее горит гнев.

– Где укрылись Пандер, Под, Игби и Акими в день битвы в Мидуэй-Парке?

Вздыхнув, я еще раз оглядываю комнату и качаю головой.

– Я никогда тебе не скажу.

Двадцатидневная симуляция заканчивается.

Окружающая меня фальшивая реальность начинает таять, солнечное тепло уходит, и на смену ему приходит небытие паралича в моей камере в Блоке.

И вот я снова здесь, не могу пошевелиться, вообще ничего не чувствую. Смотрю на единственное пятно на белой стене, ярость и боль бушуют во мне, безнадежность одолевает.

День 31 в блоке

Жатва начинается, и остается лишь страх.

Кажется, проходит вечность, прежде чем нанотехнологии ослабят хватку в тех частях моего мозга, которые отвечают за ужас и панику, сердцебиение замедляется, мышцы расслабляются.

В Аркане – тюрьме, где я находился до конца света – жатва длилась всего шесть часов, и когда она заканчивалась, мы оставались одни в наших маленьких звуконепроницаемых камерах. Тогда это казалось ужасным, но по сравнению с Блоком было похоже на рай.

Труба для жатвы опущена, пока поступает вода. Мощным потоком она льется с потолка и пахнет едкими химикатами и отбеливателем. Как обычно, я думаю, может, отдаться ей и утонуть, выдохнуть весь воздух из легких, пока труба наполняется, и ждать смерти, чтобы не встретить еще один день такого ада.

Но я не стану этого делать.

Труба наполняется водой, и я целиком погружаюсь в нее. Проходит время – десять секунд, двадцать, – вода стекает, и я снова обрушиваюсь на пол.

Затем в трубу задувается воздух, такой горячий, что, кажется, моя кожа сейчас вздуется волдырями и сгорит. Когда я полностью высох, труба поднимается и скрывается в потолке.

Жатва закончена, но то, что последует за ней, не менее ужасно.

Я жду, лежа обнаженным на полу, руки намагничены за спиной при помощи кобальта, вживленного в запястья.

Прошло шестнадцать дней с тех пор, как Хэппи, всемогущий искусственный интеллект, сначала управлявший миром, а затем разрушивший его, пыталась обманом заставить меня выдать местонахождение моих друзей. Каким-то образом Хэппи проникла в мой мозг, убедила меня, что Пандер, Малакай и Кина вытащили меня из этой тюрьмы, но я все понял, догадался, что все было не взаправду, хотя симуляция была уж очень убедительной. Я показал им место у реки недалеко от центра города и наслаждался воспоминаниями о том, как в детстве проводил там время с семьей. Летом мы с сестрой, отцом и мамой ходили на берег и часами играли, купались, общались и просто были вместе, как семья.

ИИ потребовалось около четырех минут, чтобы понять, что его обманули. С тех пор Хэппи каждый день пыталась обманом заставить меня выдать информацию. Она использует разные тактики: страх, принуждение, торг, введение в замешательство. Потом она попробовала смоделировать двадцатидневную жизнь после войны, жизнь с Киной.

Но я не выдам своих секретов, не позволю Хэппи выиграть.

Чтобы извлечь из меня информацию, она использует ту же технологию, которую применяют на мне, чтобы не дать потерять рассудок в монотонной жизни Блока. Они называют это Разумной Зоной или Зоной Разума.

Я все еще пытаюсь отдышаться после жатвы и воды, когда люк в двери открывается.

Я тут же начинаю контролировать дыхание, замедляя его.

Сегодня дежурный охранник – Джейкоб. За последние дни мне удалось достучаться до Джейкоба, он слушал меня, колебался перед жатвой, смотрел на меня с искренним сожалением и стыдом в глазах.

– Заключенный 9-70-981, информирую вас, что у меня при себе есть заряженное оружие, и я готов его использовать, если вы не будете следовать моим инструкциям. Я ясно выразился?

Моя голова повернута в сторону двери, и я вижу его: молодой, худощавый, стильно уложенные длинные волосы. Он пристально смотрит на меня поверх ультразвуковой винтовки. Я не шевелюсь, не моргаю, не реагирую на направленное в мою сторону оружие.

– Заключенный 9-70-981, пожалуйста, лягте на кровать, чтобы я мог активировать паралич... Заключенный 9-70-981... Лука, ты в порядке?

Я по-прежнему не двигаюсь. Я неподвижно лежу на полу в своей камере и стараюсь дышать как можно тише, чтобы Джейкоб подумал, что я вообще не дышу.

– Лука? – спрашивает охранник неуверенно и испуганно.

Я слышу, как открывается вращающийся замок, вижу, как дверь распахивается внутрь. Молодой охранник подбегает ко мне, опускается на колени и перекачивает меня на спину.

– Лука! Лука! – зовет он, хлопая меня по лицу, пытаюсь привести в чувства.

Мне хочется выхватить его УЗ-винтовку, начать действовать и вырваться из этого места, но жатва истощила меня, и я вынужден ждать, пока во мне сработает технология самоисцеления. Важно то, что мне удалось обманом заставить охранника войти в камеру.

Я делаю внезапный глубокий вдох, будто только что пришел в себя, и смотрю на Джейкоба, изображая замешательство.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает он дрожащим голосом. – Кажется, ты перестал дышать.

– О боги, – отвечаю я хриплым голосом, – лучше бы я умер.

– Не говори так, не говори таких вещей.

– Почему? – я тяну время, выжидая, когда ко мне вернуться силы. – Смерть в тысячу раз лучше этого места.

– Ну прошу, не говори так! – повторяет Джейкоб. – Надо вызвать дрона-врача, убедиться, что ты в порядке.

Его глаза двигаются влево и вправо, тем самым активируя меню на Линзе.

– Нет, не надо, – отвечаю я, приподнимаясь, – я в норме, Джейкоб, правда. Думаю, я просто потерял сознание.

– Уверен?

– Да, уверен, – отвечаю я.

– Я как бы должен вызывать дрона-врача в таких случаях.

– Джейкоб, все хорошо, честно.

Охранник вздыхает.

– Ну ладно, если вы уверены, заключенный 9-70-981.

– О, снова 9-70-981, да? – усмехаюсь я. – А как же Лука?

– Я запаниковал, – отвечает охранник. – Мне нельзя называть тебя настоящим именем.

Я чувствую, как силы возвращаются, изнеможение отступает.

– Что ж, если ты в норме, ложись на кровать, мне нужно придерживаться графика. Если снова опоздаю, у меня будут неприятности.

– Ага, – отвечаю я, – понимаю.

Я поднимаюсь на ноги, и это стоит огромных усилий, ведь жатва лишила меня всей энергии, но я уже чувствую, как возвращается моя сила, как исцеляется мое тело, каждая микротрещина в мышечных волокнах, каждая растянутая связка и царапина. Это новая функция,

часть технологии Совершенных в моем теле, исцеляющая меня с нечеловеческой скоростью. Теперь эта способность есть у всех нас, у всех обитателей Аркана и Блока – таким образом они могут использовать нашу энергию снова и снова. Мы – аккумуляторные батареи для машин, уничтожающих человечество. Они исцеляют наши тела с помощью технологий и не дают нам сойти с ума в Зоне Разума.

Я встаю рядом с кроватью и поворачиваюсь к Джейкобу. Я по-прежнему обнажен, но меня это не беспокоит, я привык. Неподвижно смотрю на него.

– Ты должен лечь, Лука, – говорит он мне.

– Чтобы меня парализовали?

– Ну... да.

– Ты хоть представляешь, что это? Каково это? Каждый день я переживаю мучительную боль, а потом невыносимое одиночество и страх.

– Каждый должен жертвовать ради блага человечества...

– Человечества? – прерываю я его и смеюсь. – Так они тебе говорят? Они врут.

– Гален Рай обеспечивает безопасность выживших, и я должен...

– Гален Рай продал душу, чтобы спастись самому, – перебиваю я.

– Лука, пожалуйста, я лишь пытаюсь добыть пропуск в Арку для себя и своей семьи. Я не солдат Первого уровня, мне нужно заслужить это место. Мне это не нравится, но у меня нет выбора! Что бы ты сделал? Если я тебя отпущу, убьют нас обоих.

Вздыхнув, я смотрю прямо в глаза молодому солдату.

– Знаю, ты просто пытаешься выжить, но послушай меня, Джейкоб, они не оставят тебя в живых. Они считают людей вирусом и не позволят выжить ни одному человеку. Они планируют уничтожить всех.

– О чем ты? Грядет конец света, Мировому Правительству пришлось принять ряд трудных решений, некоторые и правда были слож...

– Спроси себя: почему они просто не убили всех Убогих? Зачем превратили их в монстров? – кричу я. – Это все из-за программы! Это не Мировое Правительство, а... – я вздыхаю, качая головой. Не важно, он не поверит мне. Я бы не поверил, что мировых лидеров захватил в плен искусственный интеллект, если бы не видел это своими глазами.

Думаю, я выиграл достаточно времени, чтобы восполнить энергию.

– А кто? – спрашивает Джейкоб, прищурившись.

– Не кто, а что, – отвечаю я.

– Ладно, что тогда?

– Не важно, – я смотрю в глаза молодому охраннику. – Прости, Джейкоб.

Я набрасываюсь на него.

Быстро развернувшись, Джейкоб выбегает из камеры. Он пытается захлопнуть дверь, но я оказываюсь проворнее. Я просовываю руку между дверью из толстого металла и бетонной стеной. Слышу, как хрустят кости моих пальцев, пока Джейкоб тянет дверь на себя. Боль невероятная. Стиснув зубы, я пытаюсь приглушить вырывающийся крик.

Я закрываю глаза и дышу, преодолевая боль, открывая дверь. Агония в искривленной руке усиливается, пальцыгибаются, а под кожей начинает образовываться сгусток крови, превращаясь в огромный синяк.

– Стой! Стой! – кричит Джейкоб, когда я хватаю его за воротник здоровой рукой и затаскиваю в камеру.

– Код четырнадцать в камере три-девятнадцать! – кричит Джейкоб.

Я бросаю охранника на кровать, хватаю его оружие и целюсь в него.

– Линзу, – требую я, протягивая руку.

– Ч-что? – бормочет Джейкоб.

Я прижимаю ствол УЗ-винтовки к его лбу.

– Дай мне свою Линзу.

Джейкоб поднимает дрожащую руку и снимает с глаза прозрачную контактную линзу. Я забираю ее и надеваю на свой глаз. Теперь я вижу трехмерный проекционный дисплей, которым могу управлять, используя зрение. Я нахожу меню с надписью «стазис» и активирую кровать. Парализующая игла пронзает кожу Джейкоба, и он тут же безжизненно падает.

Я смотрю на парализованного парнишку-солдата, лежащего на моей кровати.

– Прости, Джейкоб, – бормочу я и бегу к открытой двери, шлепая босыми ногами по металлическому полу. Быстро осматриваюсь.

Третий этаж, здание кубической формы, проходы по радиусу каждого этажа, примерно двести камер на этаже.

И тут я замираю. Я замечаю, что все камеры открыты, кроме четырех, соседних с моей.

– Где, черт возьми, все заключенные Блока? – спрашиваю я вслух.

Все еще ослабленный, я шагаю к соседней камере. Все эти тридцать дней, проведенных в Блоке, я надеялся, что Кина и Малакай живы. Их не было в списке выживших беглецов Хэппи, значит, они либо мертвы, либо в плену.

Я пытаюсь повернуть металлическую ручку двери, но она не поддается. Панель рядом с дверью запрашивает идентификацию радужной оболочки глаза. Бросив оружие на пол, я вглядываюсь в панель, пытаюсь найти другой способ разблокировать ее.

– Эй! – раздается голос слева от меня.

Повернувшись, я вижу, как ко мне приближается женщина лет пятидесяти, она тянется к УЗ-пистолету на поясе.

Я бегу к ней, преодолевая боль во всем теле.

Она удивленно смотрит на меня, пока я приближаюсь к ней, и пытается достать оружие.

Я подбегаю к ней в тот момент, когда она уже выхватила пистолет. Я закручиваю ей руку за спину, вырываю пистолет и тычу дулом ей в спину. Я слышу треск своих сломанных пальцев и чувствую, как они восстанавливаются. От боли и скрежета костей я едва не уронил добытый пистолет, но держусь.

– Если активируете тревогу, пошлете какие-то бесшумные сигналы бедствия, если увижу хоть одного солдата, то пристрелю вас, понятно?

– Ты правда думаешь, что выберешься отсюда живым? – ворчит женщина.

– Это не первый мой побег из тюрьмы.

– Гален Рай...

– Заткнись, – велю я. – Кина Кэмпбелл, где она?

– Я ничего тебе не скажу...

Я направляю пистолет ей в ногу и нажимаю на курок. Она открывает рот, чтобы кричать, и спустя мгновение... – выражение потрясения на ее лице даже кажется забавным – кричит.

– Дважды спрашивать не буду, – шиплю я. – Камера Кины Кэмпбелл где?

Женщина делает шаг вперед и указывает на камеру через две от моей. Я чувствую абсолютное облегчение. Она жива, Кина жива.

– Кого еще они схватили? – спрашиваю я. – Малакай?

Охранница смотрит на меня вызывающе, покусывая нижнюю губу. Я целюсь ей в другую ногу.

– Рен Солтер, – всхлипывает женщина, вытягивая руку вперед, чтобы остановить меня. – Она в соседней камере, Малакай Баннистер рядом с Киной и Вудс Рафка тоже там, – она указывает на две камеры, следующие после камеры Кины.

– Почему остальные камеры пусты? – спрашиваю я. – Куда вы отвезли заключенных Блока?

– Мы никуда их не увозили. Они мертвы.

– Что? – спрашиваю я, потрясенный ее ответом.

– Они умерли, все они. В живых остались только вы, ваша шайка из Аркана.

Я пытаюсь понять, как такое могло произойти. Нам всем вводили одну и ту же технологию исцеления, так почему они умерли, а мы нет?

Нет времени обсуждать это, я толкаю охранницу вперед.

– Открывай камеру Кины, – приказываю я.

Она наклоняется и активирует сканер радужной оболочки глаза.

Я слышу щелчок замка, хватаю ручку, открываю дверь, и то, что я вижу, разрывает мне сердце.

Я знал, что Кина в таком же положении, как и я, но увидев ее, лежащую парализованной на кровати, – каждый мускул обездвижен, лицо расслаблено и так неподвижно, что кажется, она мертва, – я едва могу дышать.

– Дай свою Линзу, – велю я охраннице.

– Что ты собрался делать? – спрашивает она.

Я поднимаю пистолет к ее голове.

– Не заставляй меня повторять.

Женщина зажимает двумя пальцами прозрачную контактную линзу и снимает ее. Она усмехается:

– Жду не дождусь, чтобы увидеть, что Гален Рай сделает с тобой, когда поймает.

Она протягивает Линзу и кладет ее мне на сломанную ладонь, пока еще один мой палец, треснув, возвращается в нормальное положение.

Стиснув Линзу двумя пальцами, я ломаю ее, чтобы у охранницы не было выхода.

Я использую Линзу Джейкоба, чтобы перейти к опции активации жатвы энергии. Взглядом я пролистываю до триста семнадцатой камеры и выбираю «Начать жатву энергии». Посреди камеры на полу появляется круг света.

– Вставай в круг, – велю я охраннице.

Ухмылка исчезает с ее лица.

– Я помогу тебе сбежать, – говорит она, охваченная ужасом от предстоящей жатвы.

– Вставай в круг, – повторяю я, направляя ствол пистолета в сторону светового кольца.

– Ты не сможешь открыть остальные камеры без моей помощи. Оставишь своих друзей взаперти?

– Для этого у меня есть Джейкоб. Вставай в круг, живо!

Дрожа, женщина ковыляет в круг.

– Не обязательно это делать, – говорит она, поворачиваясь ко мне.

Я смотрю на нее сквозь проекционный дисплей в уголке глаза.

– Обязательно.

Я активирую жатву, и из потолка опускается труба, окружая охранницу. Через несколько секунд та начинает кричать.

Я подбегаю к Кине и отключаю ее паралич.

Она вдыхает, возвращаясь к жизни, и оглядывается.

При виде меня слезы выступают из ее глаз и текут по щекам. Она садится.

– Боже мой, Лука. Это все реально? Или мы в Зоне Разума?

Мгновение я изучаю черты ее лица, ее черные глаза, смуглую кожу, всю ее красоту и характер.

– Да, все реально, – отвечаю я.

– Я... я...

Не в состоянии вымолвить ни слова, Кина сотрясается в рыданиях. Я знаю, что она чувствует; невыносимая жестокость машинного проекта «Батарея» заставляла меня желать смерти изо дня в день, я молился о том, чтобы полностью лишиться рассудка и больше не осознавать

мучительную агонию. Что такое настоящая боль, понимаешь лишь тогда, когда единственное желание – это уйти из жизни.

– Можешь двигаться? – спрашиваю я, поднимая подбородок Кины и смотря ей в глаза. С последней нашей встречи ее черные волосы отросли, пара прядей спадает на лоб.

Кивнув, Кина вытаскивает из живота две длинные иглы, а затем еще одну тонкую иглу, впившуюся глубоко в шею, и, наконец, последнюю из запястья.

– Надо освободить остальных, – говорю я.

Кина снова кивает.

– Постой, – говорит она и затем совершенно неожиданно целует меня.

Я чувствую прилив радости, словно миллионы звезд ярко сияют в каждой клеточке моего существа. Она руками обнимает мою голову, прикасается своими губами к моим... Если я сейчас умру, то весь этот ад того стоил, и я прожил бы его еще тысячу раз, лишь бы продлить это мгновение хоть на секунду.

Кина отстраняется и улыбается:

– Пойдем.

Она шагает к двери, а я на мгновение замираю, уставившись туда, где она только что была.

– Ну что, засранец, мы снова в бегах. Еще помнишь, каково это, а?

– Конечно – отвечаю я, выходя из ступора.

Мы быстро выходим в коридор. Я беру УЗ-винтовку Джейкоба и протягиваю ее Кине.

– Кого еще они взяли? – спрашивает она, оглядывая двери.

Я указываю на дверь рядом с моей камерой.

– Тут Рен, – отвечаю я, а затем указываю на две двери слева от ее камеры, – а там Малакай и в соседней Вудс.

– Каков план? – спрашивает Кина.

– Нет никакого плана, типа выбраться из камеры и составлять его на ходу, как-то так...

– Придется придумать, – бросает Кина, пытаясь открыть дверь Рен. – Заперта.

– Нужна идентификация радужки, – говорю я. – Для этого есть Джейкоб.

Я иду обратно в свою камеру, Кина следует за мной. Она смеется, увидев охранника на моей кровати.

– Как, черт возьми, тебе это удалось?

– Он слишком сильно мне сопереживал, – отвечаю я. – Держи его на мушке, я выведу его из паралича.

Кивнув, Кина прислоняет приклад винтовки к плечу, прижимаясь к нему щекой, и смотрит вверх ствола на Джейкоба.

Я наклоняюсь к парализованному охраннику.

– Я собираюсь вывести тебя из стазиса, – говорю я ему, используя их же выражения. – Если что-нибудь выкинешь, моя подруга тебя казнит. Я ясно выразился?

Он не может кивнуть или ответить, но я уверен, что он понимает, каков расклад. Я просматриваю меню Линзы и отключаю паралич. Как только игла полностью выходит из его тела, он, задыхаясь, садится и начинает рыдать у меня на руках.

– Соберись, – говорю я ему, поднимая его на ноги.

– Это было... Это...

– Поверь, мы знаем, – перебивает Кина, по-прежнему целясь в него.

– Сюда, – веду я его, выталкивая в коридор, по которому разносятся оглушительные вопли переживающей жатву охранницы.

– О Боже, Боже, Боже, – бормочет Джейкоб, ковыляя в сторону камер наших друзей.

– Стой, – велю я ему, останавливаясь у камеры Рен. – Открывай.

Джейкоб наклоняется к сканеру радужной оболочки глаза, но замирает, когда свет тускнеет.

– Что это? – спрашивает Кина, подбегая к Джейкобу и приставляя пистолет к его голове.
– Это не я! – отвечает он, поднимаясь и широко раскрыв от ужаса глаза. – Я этого не делал!

На всех уровнях Блока начинают мигать красные огни, звучит сирена, за которой следует голос Хэппи:

– Беглецы на третьем этаже, активирована полная блокировка.

Экраны у дверей загораются красным, двери наших с Киной камер захлопываются.

Кина смотрит на меня, в ее глазах нечто большее, чем просто страх. Мы оба думаем об одном и том же: смерть – прекрасная перспектива по сравнению с тем, во что превратилась наша жизнь в Блоке. Я киваю, и она целится в меня.

– Ч-что вы делаете?! – заикается Джейкоб.

Кина опускает винтовку и подходит ко мне. Она целует меня в последний раз и улыбается:

– Спасибо, что попытался, Лука.

– Да ладно тебе, – пожимаю я плечами, мы смеемся, и Кина снова поднимает на меня оружие.

– Скоро увидимся, наверное, – говорит она и нажимает на спусковой крючок.

Ничего не происходит.

– У нашего оружия есть ограничения, – сообщает Джейкоб. – Они не стреляют в Батареи. Ну чтобы не допустить случайного уничтожения ценных активов.

– Активов? – переспрашивает Кина, направляя оружие на Джейкоба и шагая к нему. – *Батареи?*

– Так они вас называют. Активы, батареи, это они придумали, не я.

Кина не останавливается. Она шагает к нему и тычет дулом винтовки парню в висок.

– Ты один из них!

– Прости, прости! – бормочет он. – Ничто в Блоке не сможет убить вас, – продолжает Джейкоб напряженным голосом. – Вы слишком ценны для правительства.

– Правительства? – усмехается Кина. – Думаешь, оно за этим стоит? Ты правда ничего не понимаешь.

Мы слышим звук шагов, громышающих по металлической лестнице.

– Оружие против нас не работает, – говорит Кина, хватая Джейкоба и поворачивая его к приближающимся солдатам, – но на тебе-то работает, так?

– Вот дерьмо, – бубнит охранник, тем самым подтверждая предположение Кины.

Первыми у лестницы появляются двое солдат в телах-носителях, их глаза светятся белым светом. Очевидно, обе они Совершенные, две девушки, высокие, спортивного телосложения. Безусловно, обе пользовались косметическими улучшениями, осуществляемыми до рождения – Совершенные могут себе это позволить. Помимо внешнего вида и несомненного наличия физической силы, очевидно, что вместо легких у них Системы Автоматического Пополнения Кислородом, поскольку они совсем не запыхались, хотя только что пробежали три лестничных пролета.

– Заключенные 9-70-981 и 9-72-104, немедленно остановитесь и вернитесь в свои камеры, – приказывает солдат чуть ниже ростом. Ее глаза на мгновение светятся оранжевым, и обе двери наших камер снова распахиваются.

– Я выстрелю в него, – говорит Кина, крепче прижимая винтовку к голове Джейкоба. – Я убью его!

– Это не изменит исход сценария, – отвечает солдат, что повыше, выступая вперед. – Убьете его или нет, вы все равно вернетесь в свои камеры.

Я оглядываюсь через край перил – возможно, падение с четвертого этажа меня не убьет, особенно с внедренной в меня Совершенными технологией ускоренного самоисцеления. Понимаю, что в любом случае это спорный вопрос, поскольку каждый уровень разделяет сетка.

– Мы туда не вернемся, – отвечает Кина дрожащим голосом.

Раздаются еще шаги, и в коридоре появляются трое солдат. Должно быть, они Второго или Третьего уровня: люди, согласившиеся помогать правительству – по крайней мере, они *думают*, что правительству – в обмен на свою жизнь и место в Арке – убежище, где они смогут пережить конец войны.

Солдат-носитель, что пониже ростом, поворачивается к первому из прибывших солдат, симпатичному блондину:

– Солдат Рамирес, казните солдата Смита.

Не колеблясь, Совершенный направляет автомат на Джейкоба.

– Нет! – успевает крикнуть Джейкоб прежде, чем ультразвуковая волна попадает ему в грудь, и парень, обмякнув, беззвучно падает на пол.

– Вы... вы... как вы смогли убить его?! – негодую я, глядя на тело-носитель с красными глазами, пока Джейкоб выскользывает из рук Кины. Гален Рай говорил мне, что основной код ИИ не позволяет машинам причинить вред человеку, убить его или отдавать приказы, которые могут навредить человеку или привести к его смерти. Именно поэтому Хэппи и ее солдаты заразили человечество вирусом, заставлявшим людей убивать друг друга, – чтобы обойти это программирование.

– Все изменилось, заключенный 9-70-981.

День 32 в блоке

В Аркане, в те долгие дни, когда одиночество и скука пронизывали до костей, я научился использовать один трюк. (Как же мало я тогда знал о настоящей изоляции.) Эта уловка была своего рода актом исчезновения, самоосвобождением психики. В своем сознании я создавал мир, в котором был счастлив и свободен. Этот мир – на самом деле история – существовал десятки лет назад, задолго до моего рождения, в те времена, о которых я слышал только из рассказов отца. Я бродил по городу, наслаждаясь свободой; встречал друзей, здоровых и счастливых, соседей, которые не были вынуждены жить в бедности; я мог целыми днями читать книги в лучах солнца, а вечерами просто болтать ни о чем и смеяться вместе с папой и сестрой. Но я разучился это делать, не могу найти дорогу в тот мир. Вместо этого мне приходится полагаться на Зону Разума.

Через несколько минут после того, как меня снова парализовали, я оказываюсь в белой комнате.

Зона Разума существует для того, чтобы поддерживать работу батарей Хэппи. ИИ получает энергию от жатвы, и эта собранная энергия производится нашим страхом. Если мы потеряем рассудок, то не сможем испытывать страх, и тогда жатва не принесет результатов. Поэтому, чтобы мы справились с изоляцией, Хэппи позволяет нам проводить в Зоне Разума по шесть часов ежедневно.

Я жажду этого, как наркотик. Я понимаю, что эти переживания нереальны, что они существуют, чтобы успокоить и отвлечь мой разум, но они мне нужны.

Первая часть Зоны Разума представляет собой белое пространство, уходящее в бесконечность во всех направлениях. Непроизвольный вздох срывается с моих губ, и я снова могу шевелиться. Это странное ощущение – знать, что я все еще парализован, лежу в кровати в своей камере, но при этом нахожусь здесь, в этой искусственной реальности.

Все сценарии в Зоне Разума начинаются с воспоминаний. Это может быть просто место, которое я отчетливо помню, день или событие. Оттуда я могу отправиться куда захочу. Я не знаю, как это работает: может, это нанороботы, проникающие в мой мозг, воздействие галлюциногенов или дополненная реальность, или какая-то новая неизвестная мне технология, – но оно безупречно.

Постепенно окружающее меня белое пространство начинает обретать цвета. Мир вокруг окрашивается в тусклый серый цвет, образы проясняются. Хоть и не сразу, но я узнаю первый этаж Вертикали «Черная дорога» – многоэтажного дома высотой в километр, где я когда-то жил.

Я восхищенно смотрю на неоновые граффити, украшающие бетонные стены: символы банд и логотипы скейт-команд, имена и угрозы.

– Их сотни! – кричит кто-то сверху на лестнице, и я вспоминаю.

Мне было лет десять или одиннадцать, а моей сестре Молли восемь или девять. Мы постоянно здесь играли, воображая, что лестница – это наш собственный космический корабль, на котором мы сражались с армиями инопланетян, жаждущими убить людей и добывать на земле драгоценный минерал, который мы еще даже не обнаружили.

Я поворачиваюсь и вижу, как Молли вытянула вперед руки, словно держа руль. Слезы обжигают мне глаза при виде сестры такой, какой она была до того, как Хэппи опустошила планету, до того, как меня посадили в тюрьму, до смерти наших родителей, до всего этого.

В реальном мире Молли стала Клоном – так называют наркоманов, потребляющих «Побег»². В последний раз, когда я видел ее, она была под кайфом, без сознания, истощенная. Но здесь, в прошлом, в моих воскресших воспоминаниях, она была той юной девочкой, которую я знал, моей лучшей подругой.

Мелкие кудри ее черных волос подпрыгивают, пока она раскачивается в такт движениям воображаемого космического корабля. Поношенная футболка (некогда моя) доходит ей до колен.

– Слышал, что я сказала? – повторяет она, резко посмотрев в мою сторону. – Их сотни! Что будем делать?

Я глубоко вздыхаю, прогоняя эмоции, нахлынувшие на меня при виде сестры, и вхожу в роль.

– Капитан Молли, – обращаюсь я к ней молодым и высоким голосом, с трудом сдерживая смех, – предлагаю отступить, просто их слишком много.

– Отступить?! – недоумевает Молли, ухмыляясь. – Лука, я никогда не убегаю. Заряжай пушки!

– Есть, капитан! – отвечаю я и спускаюсь на две ступеньки вниз к пушкам космического корабля.

А потом первый этаж Вертикали «Черная дорога» начинает растворяться, Зона Разума творит свою странную магию, и вот мы уже не просто притворяемся, что ведем битву в космосе, – мы оказываемся в космосе.

Бетонная лестница плавно переходит в футуристическую палубу корабля. Сквозь огромное окно впереди видны звезды и планеты, усеивающие черное небо. Мы оказываемся за пределами орбиты большой зеленой планеты, и перед нами сотни кораблей поменьше нашего.

Я вожусь с пушками, направляя их и дергая за рычаги, запускающие снаряды.

– Это значит, что мы практически в пределах их досягаемости, – отмечаю я.

– Пусть попробуют! – отзывается Молли, маневрируя корабль сквозь просторы космоса. – Наша огневая мощь слишком велика для...

Молли замолкает, когда на горизонте зеленой планеты появляется огромный материнский корабль.

– Ну ладно, – говорит она, – а вот теперь бежим!

Все оставшееся время в Зоне Разума проходит в эпической погоне по космосу. Мы путешествуем со скоростью, близкой к скорости света, в искаженном времени. Отбиваемся от атакующих кораблей, с помощью генератора поля невидимости проникаем на материнский корабль.

Какое-то время я жду, что Хэппи обратится против меня и попытается выудить информацию, но иногда Зона Разума – это просто Зона Разума; она для того, чтобы сохранять наш рассудок здоровым, чтобы Жатва подпитывалась нашим страхом.

² Редакция напоминает: вещество является вымышленным. Применение подобных средств смертельно опасно.

Вскоре, слишком рано, как мне кажется, голос Хэппи сообщает, что у меня осталось пять минут на пребывание в Зоне Разума. Сердце замирает при мысли, что я должен снова вернуться в пустоту Блока.

Молли побеждает последнего пришельца, трехметрового монстра-насекомого с новейшим вооружением.

Я говорю ей, что люблю ее и скучаю, она отвечает, что тоже скучает по мне.

И исчезает.

Я рад, что в этот раз Хэппи не выпытывала у меня информацию, что это был просто сеанс восстановления рассудка, иллюзия свободы, чтобы я не сошел с ума.

Мир вокруг становится белым, белизна постепенно превращается в мою камеру. Я снова неподвижен и парализован, лежу на кровати, и впереди меня ждут шесть часов сплошного безумного одиночества и скуки, а после – жатва энергии.

После попытки побега, встречи с Киной и ее поцелуя мне стало труднее с этим справиться. Каким-то образом эта искорка надежды сломала меня. Мне больно осознавать, что нет ничего более жестокого, чем надежда, и будет лучше полностью отказаться от нее.

День 34 в блоке

Сегодня Зона разума предлагает мне воспоминания из Аркана.

Ночь среды, а точнее два часа по полуночи четверга. Каждую неделю в это время Хэппи отключала функции безопасности на три часа, чтобы запустить диагностику и обновления, и в это время наш надзиратель Рен Солтер, Совершенная, в которую я был влюблен практически с первого дня нашей встречи, незаконно выпускала нас из камер.

Я считаю от ста до нуля, прислонившись головой к стене, давая время Харви, моему другу, тоже заключенному, спрятаться. Я знаю, где он спрятался, ведь это мои воспоминания; он в камере Малакая, а в реальности Малакай нашел его первым и накричал на него за то, что тот опрокинул стопку комиксов. Но в Зоне Разума я вхожу в камеру Малакая, и она медленно превращается в джунгли, где Харви прячется среди деревьев, более не нуждаясь в костылях, на которых ходил всю жизнь.

Мне грустно снова видеть Харви. Он был одним из первых, может быть, даже самым первым, кого Хэппи инфицировала вирусом-убийцей. Он превратился в Полоумного и умер, упав со стены, разделяющей камеры во дворе Аркана, пытаясь в своем измененном психическом состоянии напасть на Кину.

После приключений в воображаемых джунглях, бегства от огромных диких кошек и браконьеров и освобождения пойманных носорогов, я возвращаюсь сознанием в камеру, которую и не покидал, и где еще шесть часов буду страдать от паралича. Затем меня отправляют на жатву энергии. И так каждый день, снова и снова.

День 36 в блоке

В Блоке я никогда не сплю, я впадаю в некое бессознательное состояние, из которого ускользает реальность. Я называю это спящим режимом.

Каждый день охранники вырывают меня из этого режима и тащат в центр камеры.

На протяжении двенадцати часов я сражаюсь с адом жатвы, чувствуя, как пот течет с меня ручьями, испытывая невероятный страх, уверенный в том, что умру, что меня разрывает на части, что я горю, задыхаюсь, тону.

Наконец, жатва заканчивается, меня снова вводят в состояние паралича.

Начинается сеанс в Зоне Разума. Сегодня – воспоминания о маме. Мы вместе поем наши любимые песни, не попадая в ноты, но нас это совершенно не заботит. Воспоминание превращается в грандиозный рок-концерт с многотысячной толпой.

А потом оно заканчивается, и я снова впадаю в спящий режим.

День 38 в блоке

Двенадцать часов жатвы.

Шесть часов в Зоне Разума; воспоминание о школьных друзьях, о том, как мы летним днем прыгали в реку, превращается в приключение о подводном плавании с исследованием древних кораблекрушений и подводных пещер.

День 39 в блоке

Все та же рутина...

День 41 в блоке

День за днем...

День 43 в болке

Это никогда не кончится.

День 45 в блоке

Сильнее всего меня одолевает одиночество в эти шесть часов после завершения сеанса в Зоне Разума, в ожидании жатвы энергии... Если мне не удастся перейти в спящий режим, если по какой-то причине мой жестокий мозг не отключается, то я оказываюсь в мире, где время стоит на месте, где мой разрываемый на части разум воспроизводит величайшие ужасы моей жизни: мальчик падает с крыши Вертикали «Черная дорога»; арест и заключение в Аркан; крысы в туннеле, едва не сожравшие меня заживо; Полоумные, преследующие меня по деревне бездомных; варварские отмены исполнения приговора, известные как Отсрочки; битва в Мидуэй-Парке.

Эти воспоминания повторяются в моей голове снова и снова. Чем больше я умоляю их остановиться, тем ярче они становятся: тем острее я ощущаю, как крысиные зубы впиваются мне в кожу, тем сильнее паника в сердце, когда Полоумные приближаются, тем сильнее горе от утраты Блю, погибшего в бою.

Эти мысли крутятся в моей голове уже более суток, и когда начинается Зона Разума, я практически сразу осознаю, что кошмар еще не окончен. Что-то не так.

Белая комната снова превращается в мою обычную камеру в Блоке. Во мне нет иглы, я не парализован.

Я сажусь и смотрю на дверь.

– Что происходит? – шепчу я в тишине, выдыхая пар. Здесь холодно, чертовски холодно.

Дверь со скрипом открывается, и в камеру проскальзывает Мейбл.

Мейбл была последней заключенной, освобожденной из Аркана. Ее заживо съели крысы в туннеле Мрачного поезда, я не смог ее спасти.

Мейбл медленно подходит ко мне и садится так, чтобы я ее видел.

– Лука, – шепчет она, – почему ты дал мне войти в те туннели?

Я хочу ответить, хочу сказать ей, что мне жаль, что я хотел остановить ее, но внезапно я не могу говорить, неожиданно Зона Разума лишает меня дара речи, заставляя молча наблюдать.

– Было больно, – говорит Мейбл, и на ее руках, шее и лице проступают раны. – Мне было так больно, пока они меня убивали.

Я вижу, как в ее горле что-то шевелится, что-то скребется под кожей, а затем окровавленная крысиная морда разрывает ее плоть.

– Это больно! – кричит она. – Больно, когда они впиваются в кожу, вырывают глаза, разгрызают меня изнутри! Больно! Больно!

Я хочу закричать, отвести взгляд, но не могу.

Плач Мейбл переходит в бульканье по мере того, как все больше ран появляется на ее теле. Наконец, упав на бетонный пол, она исчезает.

Хотя я знаю, что это симуляция, что это просто Зона Разума и в реальности я все еще парализован, лежу в той же кровати и в той же камере, я чувствую, как сердце бешено колотится в груди.

Я жду в тишине, надеюсь, что Мейбл больше нет.

«Что, черт возьми, это было? – думаю я. – Что происходит? Куда делись воспоминания? Приключения?»

Мгновенно передо мной появляется Мэддокс Фэйрфакс – он стоит, склонившись надо мной. Последний раз я видел своего старого друга здесь, в этой самой камере. Он был первым носителем, первым человеком, в которого Хэппи удалось загрузиться.

– Убей меня, Лука. Убей, прошу тебя! Ты должен убить меня, ради Бога! – выкрикивает он мне в лицо те же слова, что говорил, когда Хэппи позволила настоящему Мэддоксу быть собой.

Затем Мэддокс поворачивается к стене и начинает биться головой о твердый бетон снова и снова. Мне его не видно, но даже если бы Зона Разума позволила мне повернуть голову, я бы не стал смотреть. Краем глаза я вижу брызги крови, мозга, осколки костей.

Ему на смену приходят Кэтрин и Чиррак, двое молодых заключенных Аркана, скончавшихся Полоумными после экспериментов Хэппи. Они любили гоняться друг за другом по тюрьме, когда Рен выпускала нас ночами по средам. Они были влюблены друг в друга, но были слишком молоды и незрелы и не знали, как сказать об этом вслух, поэтому просто играли вместе в детские уличные игры. Мысленно я улыбаюсь, наблюдая, как ребята резвятся. Но когда Кэтрин валит Чиррака на землю и начинает царапать ему шею, с безумной ухмылкой на лице разрывая ему вены в клочья, я понимаю, что в этом видении они Полоумные, пытающиеся уничтожить друг друга.

Кошмарные видения сменяются одно за другим. Блю, Харви, мой отец. Все они искаженные и бешенные, зубоскалистые и страшные. Из моего собственного разума, как из колодца, хлещет безумие, транслируемое Зоной Разума.

И, наконец, дверь снова открывается.

«О Боже, – думаю я, – Господи Боже, что на этот раз?»

Передо мной на пол садится мама. Ее улыбка и добрые глаза останавливают время, и на секунду я чувствую себя счастливым.

«Нет! – говорю я себе. – Не поддавайся, не позволяй этим ублюдкам добраться до тебя!»

Мама была первой из близких, кого я потерял. Она умерла от болезни, которую мы не могли позволить себе даже диагностировать. Ее тело, закутанное в черную пластиковую пленку, унес дрон-гробовщик.

Она начинает шевелить руками, показывая мне жесты.

«Прости меня».

Я чувствую, как слезы застилают мне глаза. Паралич проходит, и я могу пошевелить руками, чтобы ответить.

«За что?» – спрашиваю я.

«За все. За то, что оставила тебя одного, за всю ту боль, что тебе пришлось испытать, за всех тех людей, что ты потерял», – отвечает мама, не сводя с меня глаз, ее руки двигаются быстро.

«Это не твоя вина», – отвечаю я. Я пропал, я едва осознаю, как далеко ушел от осознания того, что все это не реально.

«Я ненавижу их, Лука, за то, что они с тобой сделали, за то, что делают с тобой каждый день. Это жестоко».

Слезы текут по моим щекам, я чувствую их солоноватый вкус на губах.

«Не знаю, мама, сколько еще я смогу выдержать».

Она встает и обнимает меня. Я обнимаю ее крепко, содрогаясь в рыданиях, позволяя всей боли, накопившейся за годы, проведенные в тюрьме, вылиться наружу.

Мама нежно отстраняется и снова делает знаки рукой:

«Я могу помочь тебе, Лука. Могу заставить их остановиться».

«Что ты имеешь в виду?» – спрашиваю я.

«Жатва, паралич, игры разума – я могу все это остановить. Ты останешься в тюрьме, но тебя оставят в покое».

«Как?»

«Скажи им, Лука, расскажи, где твои друзья. Скажи им, где находятся Исчезнувшие. Я знаю, знаю – все это неправильно, несправедливо, так нельзя поступать. Но, Лука, в конечном итоге это будет неважно. Хэппи в любом случае найдет их, так извлеки пользу. Я так тебя люблю, и мне невыносимо видеть, как они вот так издеваются над тобой».

Я чувствую, как мои руки начинают шевелиться, чтобы жестами показать местонахождение Пода и Акими, Игби и Пандер. Глаза мамы горят от нетерпения, но глубоко внутри я, наконец, слышу яростный, отрезвляющий меня крик. Это все нереально. Моя мама умерла три года назад. Это проекция, созданная Хэппи, чтобы обмануть меня.

«Уходи», – жестами говорю я ей.

«Лука, сынок, прошу...» – отвечает мама, руки ее движутся медленнее, лицо становится грустным.

«Уходи, ты не моя мать».

Теперь она начинает плакать. Я пытаюсь построить стену между нами, но вид плачущей мамы – хотя я знаю, что она не настоящая, – сокрушает меня.

«Я пытаюсь защитить тебя», – говорит она.

«Ты нереальна».

«Я люблю тебя».

«Ты нереальна».

«Я люблю тебя».

«Я никогда не скажу тебе, где они».

Образ моей мамы перестает плакать и улыбается. Она открывает рот и говорит вслух:

– Однажды ты скажешь нам, Лука Кейн.

– Я умру прежде, чем что-то вам скажу, – отвечаю я.

– Нет, мы этого не допустим.

– Посмотрим.

– Хорошо.

И моя мама исчезает, снова покидая этот мир. Следующие три или четыре часа я сижу в тишине имитируемой камеры, ожидая, когда начнется прежняя рутина.

День 49 в блоке

Теперь я не просто хочу отпустить надежду, я хочу уничтожить ее, сжечь и похоронить ее пепел.

С тех пор как Хэппи пыталась при помощи невыносимого для меня видения моей матери выпытать, где сейчас мои друзья, Зоны Разума больше не было. Думаю, прошло дня четыре, судя по графику смены охранников, но время теперь кажется нереальным. Часы и дни тянутся одинаково бесконечно.

Жатва идет уже несколько часов, и я ощущаю, как потихоньку начинаю терять рассудок. На мгновение я уверен, что все это нереально. Я уверен, что умер тысячу жизней тому назад и сейчас нахожусь в чистилище – вечное наказание за что-то непростительное, что я сделал в жизни. Эта мысль заставляет меня смеяться пронзительным визгливым смехом, эхом отражающимся от окружающей меня стеклянной трубы. Я хватаюсь за реальность и принимаю хаос и муки жатвы, а затем задаюсь вопросом – зачем?

«Зачем? Отпусти себя».

Мне становится грустно; сдаться и потерять рассудок – значит, отказаться от того, кто ты есть. Это уникальный способ самоубийства.

Я говорю себе, что если не сойду с ума до конца сегодняшней жатвы, то позволю себе утонуть в трубе. Я много раз думал об этом: выдыхал весь воздух в тот момент, когда труба наполнялась водой, и выжидал, пока легкие достигнут критической точки. Тогда можно просто вдохнуть воду, насыщенную химикатами, и умереть.

И снова я раздражаюсь смехом.

«Сорок девять, – думаю я. – В Блоке я смог выжить сорок девять дней».

Смех переходит в хихиканье, брызги слюны попадают на прозрачное стекло. Я наблюдаю, как слюна обретает очертания островка, а затем, становясь бесформенной, стекает по трубе.

Пока жатва набирает темпы, в голове сплошная паника. То и дело в сознании всплывают эпизоды из жизни, яркие и живые.

Затем паника утихает, и я лежу на полу, истощенный и опустошенный.

«Ну ладно, – думаю я, – я все еще здесь. В здравом уме, насколько я могу судить. Время умирать».

В трубу врывается вода, но я не боюсь. Вместо этого я чувствую облегчение. Все это скоро закончится.

Я готовлюсь, пока вода наполняет трубу. И, наконец, делаю это: выдыхаю и когда чувствую, что легкие сжимаются до предела, опускаюсь на дно.

Сквозь прозрачную воду я вижу, как открывается дверь камеры.

«Нет, – думаю я, – слишком рано. Охранник не должен входить до тех пор, пока не вытечет вода».

В камеру входят двое, и мой помутненный разум узнает в них Пандер и Кину.

Каким-то образом в моих легких находится лишний миллиметр для вдоха, и я снова смеюсь, отдаваясь безумию.

«Что если это взаправду?» – спрашивает голос тлеющей надежды.

«Нет, это нереально».

«Ну а вдруг?»

Образ Пандер поднимает топор над головой, и едва я успеваю задаться вопросом, зачем он ей, она замахивается и ударяет по трубе для жатвы.

Стеклянная труба трескается от удара. Я наблюдаю, как трещины расползаются, переплетаются, и понимаю: мое безумие проявляет себя в иллюзии, а трещины на стекле – это трещины в моем...

Пандер снова замахивается, и на этот раз топор пробивает стекло. Я чувствую, как вода под напором вырывается наружу.

Еще один взмах, и труба полностью разрушена.

Я ловлю ртом воздух, барахтаясь в воде. Мелкие осколки разбитой трубы впиваются мне в лицо и обнаженную грудь, и я смеюсь, изможденный и изнуренный кислородным голоданием.

– Лука, а ну соберись, мать твою! – взывает ко мне иллюзия Пандер, что лишь заставляет меня неистово хохотать.

– Ты не настоящая, – говорю я, глядя ей в лицо на белые символы, вытатуированные на ее темной коже.

Она смотрит на меня темно-кариими глазами.

– Вот дерьмо, мы опоздали, – говорит галлюцинация, поворачиваясь к Кине.

– Лука, вставай, нужно идти, давай! – просит Кина.

Я снова смеюсь. Нет никаких сомнений, что я в конец потерял чувство реальности. Я потерял надежду, и вот к чему это привело.

– Ладно, ладно, – отвечаю я, поворачиваясь на спину, чувствуя, как осколки стекла впиваются в кожу. – Я подыграю. Куда пойдём?

– Мы вытащим тебя отсюда, ненормальный, – отвечает воображаемая Кина, наклоняясь и хватая меня за руку.

И когда ее пальцы касаются моего запястья, я понимаю, что происходит; знаю, все это не по-настоящему, не может быть. Но и рассудок я не потерял. Должно быть, еще одна попытка Хэппи выудить из меня информацию.

– Меня не проведешь, – бормочу я, отмахивая руку Кины.

– Лука, все по-настоящему. Нужно бежать, скорее!

Я поднимаюсь на ноги, ковляю к кровати, опираюсь на край рамы.

– Ну да, конечно, – говорю я. – Ты научилась вести диалоги, Хэппи, признаю, но я не дурак.

Более того, в этой модели есть небольшие детали: например, Пандер одета в униформу Блока – такая маскировка, чтобы проникнуть в тюрьму; а еще смешанные паника и возбуждение в глазах Кины. Я начинаю доставать осколки стекла из руки и наблюдаю, как крошечные порезы заживают на глазах. Внезапно Пандер подходит ко мне – я замечаю, что на ней нет очков (промашка, Хэппи), – и направляет свой кулак мне прямо в глаз.

– Черт! – кричу я, содрогаясь от боли.

– У нас нет времени на это дерьмо, идиот. Живо вставай!

– Ладно, ладно, – отвечаю я, потирая глаза. – Но я все равно ничего тебе не скажу.

Я встаю, отметив про себя, что симуляция агрессивной версии Пандер очень похожа на настоящую, и тут Кина берет меня за руки:

– Лука, это все правда, это не Хэппи, она не пытается сейчас что-то узнать у тебя, ты не в Зоне Разума. Все происходит на самом деле.

– Да-да, как скажешь, – бормочу я.

Кина пытается посмотреть мне в глаза. Мне очень больно встречаться с ней взглядом, поэтому я сосредоточиваю свое внимание на осколке стекла в руке.

– Когда мы впервые заговорили, – продолжает Кина, – ты дал мне книгу «Зов предков». Она мне очень понравилась, но «Не отпускай меня»³ оказалась еще лучше. Я была в восторге, и я спрашивала себя, может, я потому и влюбилась в тебя, что ты был так добр ко мне?

Я перестаю таращиться на заживающие раны на руках и смотрю в эти прекрасные темные глаза. На мгновение между нами наступает тишина.

– Не поступай так со мной, – говорю я дрогнувшим голосом. – Не заставляй меня поверить, что это реально, чтобы потом разбить мне сердце. Я больше не вынесу.

– Впервые мы встретились лицом к лицу, – продолжает Кина, поднимая меня на ноги, – на перроне, пока ждали Мрачный поезд, на котором нас должны были отвезти на Отсрочку. Охранник забыл закрыть люк. Тогда я впервые рассмеялась с тех пор, как попала в Аркан.

– Можешь поторопиться? У нас мало времени! – кричит Пандер, стоя в дверном проеме.

– А первый раз мы поцеловались вон там, – Кина указывает на коридор. – Именно тогда я поняла, что ты мне действительно нравишься.

Я смотрю на нее и осмеливаюсь верить, что, возможно, не сошел с ума. На этот раз я целую ее, и когда наши губы соприкасаются, я отчетливо понимаю, что это реально.

– Ромео, Джульетта, хватит этого сопливого дерьма. Пошли, быстрее! – шипит Пандер.

Я смотрю на нее – она выглядит старше своих тринадцати лет. Трудности, через которые она прошла, ужасы, которые повидала, отражаются в ее глазах. В одной руке у нее топор, в другой – УЗ-винтовка. Порывшись в рюкзаке за спиной, она достает шапку и комбинезон и бросает их мне.

– Надень-ка, а то меня уже воротит от этого противного вида.

– Противного? – переспрашиваю я, оглядывая себя нагого.

– Не люблю парней, – отвечает Пандер. – И чего ради я это объясняю? Шевелись давай!

Я смотрю на белую тюремную форму и на долю секунды переношусь воспоминаниями в свой первый день в Аркане. Отбросив эти мысли прочь, я одеваюсь, натягиваю шапку как можно ниже на лоб, чтобы скрыть паноптическую камеру – крошечную всевидящую камеру, встроенную в наши лбы.

– Ну ладно, – говорю я, чувствуя, как безумие отпускает мой рассудок, – надо освободить Вудса, Малакая и Рен.

Пандер качает головой:

– Нет, мы уходим, сейчас же.

– О чем ты? – требую я. – Мы не уйдем без них.

– Уйдем, – не унимается Пандер, выглядывая из камеры и изучая коридор слева и справа.

– Я их не брошу! – отвечаю я, шагая на трясущихся ногах.

– Лука, – Кина протягивает мне руку, – Малакая и Вудса здесь нет.

– Что? – спрашиваю я. – Что значит, их здесь нет?

– Их камеры пусты, их тут нет.

Я пристально смотрю на Кину, пытаюсь осознать смысл ее слов.

– Они мертвы?

– Мы не знаем, – отвечает Пандер. – Нам лишь известно, что их вывезли из Блока два дня назад. Поэтому мы решили прийти раньше, за тобой и Киной.

Я тяжело дышу, сдавливая плач, но слезы предательски текут из глаз.

– А Рен? – спрашиваю я, поворачиваясь к Пандер.

– Лука, вы с Киной еще живы и не потеряли рассудок только благодаря этой исцеляющей технологии, что вам внедрились, и Зоне Разума.

³ Речь идет о романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (прим. пер.).

– У Рен тоже должна была быть Зона Разума! – отвечаю я.

Пандер качает головой:

– У нее нет твоих способностей к исцелению, и они не хотели проводить ей эту процедуру. Для них она была просто кратковременным источником энергии.

– Что ты такое говоришь? – спрашиваю я.

– Рен потеряла рассудок еще месяц назад. Милосерднее будет убить ее, – отвечает Пандер, бросая топор на мою кровать и проверяя дисплей на УЗ-винтовке.

– Нет, – не сдаюсь я, проталкиваясь мимо Кины и Пандер.

Ковыляя по металлическому полу, не заботясь об охранниках, других камерах и шуме, который издаю, я несусь к камере Рен мимо связанного охранника, лежащего на полу без сознания.

«Малакая и Вудса увезли. Почему? Чтобы казнить? Может, они сошли с ума и стали бесполезны для Хэппи?» – я качаю головой, отмахиваясь от гнетущих мыслей.

Я подхожу к камере Рен и дергаю за ручку, но она не поддается.

Повернувшись, вижу, что Пандер и Кина медленно идут ко мне.

– Открой! – кричу я, уставившись на Пандер.

– Лука, нет...

– Открой чертову дверь, Пандер!

Вздыхнув, она наклоняется к сканеру экрана. Каким-то образом он срабатывает, и дверной замок издает щелчок.

Я открываю дверь и вхожу.

Рен лежит на кровати парализованная. За те семь недель, что она провела здесь, от нее остались кожа да кости. Сложно распознать в ней красивую Совершенную, в которую я был влюблен, когда сидел в Аркане. Мои глаза устремляются к ее правому плечу, где когда-то была рука, которую отрубило люком двери моей старой камеры. Я действую быстро: вытаскиваю из нее все иглы и поднимаю, чтобы она вышла из состояния паралича.

Рен пытается дышать, пока я несусь к выходу; она широко открывает глаза, полные ужаса, и начинает кричать:

– Нет, нет, нет! – вопит она снова и снова хриплым гортанным голосом.

– Она пропала, Лука, надо ее заткнуть, – говорит Пандер, уверенно шагая к Рен, прикладывая винтовку к плечу.

– Мы не оставим ее и убивать тоже не будем, – командую я.

– Лука, мне тоже тяжело. Рен была моим другом, но это больше не Рен, – шипит Пандер. – Она всполошит охранников, Лука, она не в своем уме. Она бы сама так хотела.

– Мы вернем ее, – не унимаюсь я.

– Послушай, Лука, она была Полоумной, потеряла руку, ей вкололи яд дрона и использовали в качестве батареи целых семь недель. Из такого состояния не возвращаются!

– Это не обсуждается! – я пытаюсь перекричать вопли Рен. – Она идет с нами!

– Да ради Бога, – бубнит Пандер, опуская винтовку, и та свисает на ремне с ее плеча. Она прижимает палец к наушнику в левом ухе, и я впервые замечаю, что она больше не носит слуховой аппарат. Она кивает в ответ на голос в наушнике. – Нам нужно идти, сейчас же!

– Ладно, хорошо, – я приподнимаю Рен и перекидываю ее через плечо. – Пошли!

Я прохожу мимо Пандер и Кины в коридор, к лестнице, ведущей вниз.

– Нет! – Пандер хватается меня за руку. – Сюда.

Пока мы направляемся к лестнице, ведущей наверх, снова гаснет свет, мигают красные огни и из динамиков раздается голос Хэппи: «Беглецы на третьем этаже, движутся в сторону четвертого этажа. Инициирована полная блокировка».

– Какой план? – спрашиваю я, пока мы поднимаемся на верхний этаж Блока, откуда нет выхода.

– Просто иди за мной! – отвечает Пандер, шагая впереди.

Я слышу, как массивные двери на первом этаже открываются, раздаются звуки шагов десятков солдат, бегущих за нами. Поначалу, когда солдаты оказываются на первом этаже, шаги по бетонному полу раздаются твердым звуком, затем превращаются в грохот, когда бойцы начинают подниматься по железной лестнице.

Кина, Пандер и я забираемся на верхний этаж. Я кладу Рен на пол и пытаюсь отдышаться.

– Мы тут застряли, – подчеркиваю я, – отсюда нет выхода! Отличный план, Пандер...

Я не успеваю закончить сказанное – массивная стеклянная крыша над нами рушится, крупные осколки стекла рассыпаются паутиной и падают на первый этаж.

Здание теперь представляет собой огромный атриум с открытой крышей. Сверху к нам спускается летающий автомобиль и останавливается на одном уровне с нами. Разинув рот, я оглядываю машину марки «Вольта-8» – ту самую (с парочкой новых царапин и вмятин), которая спасла меня от неминуемой смерти на крыше Вертикали «Черная дорога», а вскоре после этого разбилась.

К моменту, когда падает последний осколок стекла, я вижу, как из «Вольты» нам улыбается Игби. Он стал еще хуже, чем прежде, и я невольно задумываюсь, как же *там* выживают мои друзья.

– Как дела? – спрашивает он, кивая Кине.

– Неплохо, а у тебя? – отвечает она.

– Э-э-э, черт, могло быть и хуже, скажу я тебе, – отвечает Игби, затем переводит взгляд на меня. – Давно не виделись, Лука.

Речь Игби прерывается автоматной очередью УЗ-винтовок снизу, пули отскакивают от металлических лестниц и днища машины.

– Не убивать их! – холодно командует солдат. – Нам могут понадобиться запасные!

– Идем, идем! – кричит Пандер, подталкивая Кину к машине.

Кина перелезает через перила и запрыгивает на заднее сиденье «Вольты-8»; все еще ослабленная жатвой, она с трудом забирается внутрь. Пандер забирает у меня не перестающую кричать Рен и передает ее Кине, которая помогает затащить девушку в машину.

Я иду следом за Пандером, перебираясь через перила по примеру Кины. Оценив расстояние между собой и машиной, я отталкиваюсь, заставляя изможденные мышцы ног двигаться, но что-то не так. Я чувствую удар в икроножной части правой ноги и в то же время слышу в воздухе пронзительный залп УЗ-винтовки. Ультразвуковая волна проникает в мою кожу, искажая и разрывая мышцы и мясо, до самой берцовой кости. Я кричу от боли и практически не могу шевелиться. Кажется, будто я повис в воздухе.

Я тянусь, размахивая руками, вперед, к машине, пытаюсь ухватиться за что-нибудь, но тщетно. Я вот-вот упаду. Я упаду на сеть, и меня снова посадят в камеру.

Все это происходит в считанные секунды, и когда мне кажется, что уже все потеряно, чья-то рука обвивает мое запястье, сжимая с невероятной силой.

Я поднимаю глаза и вижу Пода, полного мрачной решимости.

– Поехали! – слышу я крик Пандера, и автомобиль взмывает вверх через разрушенную крышу.

Я смотрю на свою правую ногу: от пятки до колена она выглядит как носок, наполненный бильярдными шарами. Раны, нанесенные ультразвуковой волной, болят невыносимо.

Мы поднимаемся в воздух темной ночи и летим в сторону города. Я крепко кусаю губы, подавляя боль, пронизывающую меня от колена до бедра, и смотрю на миллионы звезд над нами. На секунду я забываю об агонии и страхе и теряюсь в изумлении.

Автомобиль резко поворачивает вправо, и я прихожу в себя.

– Подними меня! – кричу я Поду.

Широкоплечий парень ухмыляется мне в ответ:

- Зачем?
- В смысле?! – недоумеваю я, чувствуя, как холодный воздух обдувает меня и боль пронзает разбитую ногу. – А если рука соскользнет?
- Все по плану! – кричит Под и раскрывает ладонь.
Я снова падаю.

День 1 вне блока

Мне просто не верится в происходящее; в сознании проскальзывает мысль, что, возможно, Хэппи добралась до него. ИИ загрузилась в Пода, и теперь он пытается убить меня.

Логика не безупречная, но у меня нет времени понимать – я падаю в воду и опускаюсь все глубже и глубже.

Сломанная нога сгибается в обратную сторону, и в приступе боли я вот-вот потеряю сознание.

На мгновение я перестаю ориентироваться, где верх, а где дно, но потом начинаю рассекать здоровой ногой ледяную воду и, всплыв на поверхность, хватаю ртом воздух.

Вокруг один за другим всплывают и мои друзья. Я смотрю в небо и вижу задние фары «Вольты-8», которая, отдаляясь от нас, парит над городом, пока, наконец, не скрывается из виду.

– Жаль, – слышу я голос Игби, – мне нравилась эта тачка.

Оглянувшись, я вижу Кину, Пандер, Игби и Пода, они держат Рен. Она замолчала, но ее глаза недоверчиво мечутся с одного на другого.

– Пошли, – говорит Под, перекатываясь на спину, чтобы удержать Рен над водой, и двигая ногами.

Мы плывем за ним и, наконец, доплываем до берега этого огромного водоема. Мне приходится повернуться и карабкаться на берег спиной. С минуту я сижу, наблюдая, как заживает нога, чувствуя, как боль уходит, пока срастаются фрагменты костей.

– Ну ладно, – выдыхает Игби, и теперь, когда мокрая одежда прилипла к его телу, отчетливо видно, какой он худой. Он наклоняется вперед, положив руки на колени, пока вода стекает с него на бетонную набережную. – Мы выиграли немного времени. Прислужники Хэппи еще час будут искать эту машину, автопилот уведет их подальше от нас.

– Так вы знаете? – спрашиваю я. – Про Хэппи? О том, что она свергла правительство, захватила мир? Что она загружает себя в тела людей?

– Мы много чего знаем, – отвечает Игби. – Сейчас не лучшее время, чтобы болтать, твоя паноптическая камера работает – ее можно накрыть, но микрофон-то включен. Позже я расскажу тебе все, что мы разузнали, а пока нам нужно двигаться дальше.

– А где мы, черт возьми? – спрашиваю я.

– Не могу сказать, – отвечает Пандер, пальцем касаясь лба. Она снимает куртку и накидывает на дрожащую от холода Рен. Очевидно, у нее не было намерений спасти ее, поскольку третий комбинезон она не взяла. Однако она достает из кармана шапку и натягивает ее на голову Рен, скрывая камеру.

– Надо двигаться, – говорит Под, когда Рен готова.

Мы снова отправляемся в путь по тропе вдоль озера или водохранилища, что бы это ни было. Под несет Рен на руках, она дышит тяжело и часто, глаза широко открыты от шока и ужаса.

Мы идем, двигаясь быстро и осторожно, и добираемся до заколоченного старого здания, которое с виду некогда было офисным. Игби подходит к деревянным ставням, загораживающим старый проход, и стучит: трижды медленно и дважды быстро.

Доски плавно отодвигаются, и в щели появляется лицо Акими. У нее острые красивые черты лица, она расплывается в улыбке и проводит нас внутрь.

Я вхожу вслед за Киной и оглядываюсь – это прекрасно сохранившаяся кофейня, которая выглядит так, будто закрылась лет восемьдесят или девяносто назад. Цены над прилавком по-прежнему указаны в старомодных фунтах и пенсах, а не в Монетах.

Внезапно Акими бросается на меня и крепко обнимает.

– Лука, слава Последним богам! – шепчет она; из-за ее акцента Региона 70 «слава» звучит как «слова». – Мы думали, что опоздаем, что они увезут тебя, как Малакая и Вудса.

– Я тоже рад тебя видеть, Акими, – говорю я, чувствуя, как сердце переполняется теплом от встречи со старым другом.

Акими отпускает меня и обнимает Кину.

– Пойдем, – говорит она, выпуская подругу из объятий и вытирая слезы, – нужно двигаться дальше.

Она заходит за стойку старого кафе и открывает люк, ведущий в подвал. Нет ни лестницы, ни ступеней, поэтому она опускается вниз и, свисая на руках, спрыгивает в темноту.

Через пару секунд внизу загорается фонарь, и Игби следует за Акими. Под опускает вниз Рен, Акими и Игби помогают опуститься на пол ей, а потом и Поду.

Мы с Киной остались одни в этом темном и пыльном старом месте.

– Не могу поверить, что мы выбрались из Блока, – говорит она хриплым голосом.

– Знаю, – отвечаю я. – Я все жду, когда симуляция закончится и я проснусь в своей камере.

– Ведь это все реально, да? – спрашивает она с тревогой в глазах.

– Думаю, да, – отвечаю я.

Кивнув, Кина спускается в подвал.

«Это все реально, – твержу я себе, – все по-настоящему».

Я опускаюсь, держась руками за край отверстия, и спрыгиваю вниз.

В свете фонарей я вижу небольшую комнату размером примерно шесть на шесть метров. Ящики со старым инвентарем сложены в кучу, в углу небольшой письменный стол. В одной из кирпичных стен проделана дыра.

Игби подходит к столу, и я замечаю хитроумное приспособление с торчащими проводами. Он открывает устройство, и экран внутри загорается.

– Это что, ноутбук? – спрашиваю я, уставившись на устаревшее оборудование.

– Ага, – отвечает Игби. – Прикинь?.. – он выругивается и кричит, коснувшись рукой одного из незакрепленных проводов, ударивших его током.

– Ты как? – спрашивает его Под.

– Нормально. Пойдем, – он берет ноутбук и направляется к дыре в стене, проходит через нее, и мы следуем за ним.

Мы попадаем в небольшую щель между двумя стенами. Впереди вторая дыра, достаточно большая для прохода, мы пролезаем в нее и оказываемся на древней платформе метро, а на рельсах стоит старый поезд.

– Какого черта? – вздыхает Кина, оглядывая устаревший красно-белый поезд, покрытый старыми потускневшими граффити.

– погоди, – улыбается Под, шагая вместе с Игби к кабине водителя.

Игби забирается в кабину, а Под спускается на рельсы перед поездом. Я иду вдоль платформы, чтобы посмотреть, что делает Игби.

В кабине джунгли из проводов, торчащих из приборной панели. Игби шустро работает, соединяя их с проводами ноутбука.

Присев, я наблюдаю, как Под ощупывает один из рельсов и достает толстый провод с изоляцией, один конец которого оголен. Он разрывает провод на два кабеля и соединяет один конец с кучей автомобильных аккумуляторов на солнечных батареях, помещенных в вырытой в стене землянке.

«Невероятно!» – думаю я, удивляясь ловкости и познаниям моего друга. Меня поражает тот факт, что он, хоть и слепой, но может так ловко управляться.

– Как дела внизу, Под? – кричит Игби.

– Готово! А у тебя?

– Сделаем это! – отвечает ему Игби, а затем высовывается из кабины и кричит: – Все на борт, черт возьми!

Под соединяет второй кабель с сетью батарей, раздается громкий хлопок, зажигаются огни поезда, и электродвигатель с нарастающим хрипом оживает.

Слышится свист, и двери поезда распахиваются. Пандер затаскивает Рен в вагон и оставляет ее распластавшуюся в проходе, а сама садится на одно из старых сидений, поднимая в воздух облако пыли. Акими садится напротив нее.

И снова мы с Киной ошеломлены причудливыми событиями, которые, кажется, разворачиваются с головокружительной скоростью. Мы потрясенно смотрим на древнее оборудование; наконец Игби и Под вылезают из кабины водителя, и Под объясняет, что батарей нам хватит минут на девять езды.

– Другими словами, – добавляет Игби, – добро пожаловать на борт!

Мы запрыгиваем в вагон, и двери закрываются. Поезд трогается с места сначала медленно, постепенно набирая скорость. Шум невероятно громкий: пронзительный свист, сопровождаемый грохотом древнего транспортного средства, которое, я уверен, вот-вот развалится на части.

Меня охватывает возбуждение. Это все происходит на самом деле, я вне Блока, на свободе, и я жив, здесь, с моими друзьями.

Я сижу и, улыбаясь, чувствую, как меня охватывает огромное облегчение и на глаза выступают слезы.

«Не надо, – просит испуганный голос в голове, – не сейчас. Не позволяй надежде убить тебя».

Но все по-другому, реальность нельзя подделать, не до такой степени, я уверен... но все же этот голос.

Поезд на скорости заходит в поворот, сильно раскачиваясь. Рен, все еще лежа на полу там, где ее оставила Пандер, начинает дрожать. Она садится, смотрит на каждого из нас по очереди, будто впервые нас видит. Она пятится, шаркая руками и ногами, пока не упирается в дальнюю стенку вагона. Она прикладывает уцелевшую руку к уху, пытаясь заглушить жуткий шум.

– Отстаньте от меня! – кричит она, спутанные светлые волосы спадают ей на лицо из-под шапки. – Оставьте меня в покое, уйдите, уйдите!

– Рен, – говорю я, быстро пробираясь к ней по раскачивающемуся вагону и опускаясь рядом на колени, – это я, Лука.

– Не подходи ко мне! Не подходи ко мне! Я не пойду с тобой! Не пойду, не пойду!

– Рен, никто тебя не обидит, никто не собирается причинить тебе вред. Мы хотим помочь, хотим увезти тебя подальше от Блока, вот и все.

– Я тебя не знаю, – шипит она и плюет мне в лицо.

Я сижу, шокированный таким поведением моей подруги, и вытираю слюну с шеи.

– Рен, все будет хорошо. Все наладится.

Электрический звук древней машины стихает, и поезд начинает замедляться. Освещение в вагоне мерцает.

– Что происходит? – спрашивает Кина.

– Должно быть, эти гении ошиблись в расчетах. Электричество кончилось, – объясняет Пандер.

Поезд едет с таким грохотом и скрежетом, что, кажется, его слышно и на поверхности; он замедляется, свет полностью гаснет. Мы резко останавливаемся.

– Что теперь? – спрашиваю я.

Через несколько секунд Под и Игби распахивают двери.

Игби светит фонариком по вагону.

– М-да, что ж, я немного ошибся, но мы уже близко, минут десять-пятнадцать ходьбы, так что пошли.

Пандер ведет Рен на рельсы, с трудом протискиваясь между стеной туннеля и вагоном. Следом идет Кина, за ней Акими.

Я стою в дверном проеме поезда, глядя в темноту, и руки начинают дрожать, когда на меня обрушиваются воспоминания о том, как я в последний раз был в туннеле. Я помню крыс так отчетливо, что практически ощущаю, как их зубы снова впиваются мне в кожу, слышу их влажную гниющую вонь и пронзительный писк.

– Лука, давай, – зовет Кина, остановившись и оглядываясь на меня.

Я киваю и неуверенно прыгиваю на рельсы. Протискиваясь между поездом и стеной, я выхожу вперед и стою на путях. Я хочу идти дальше, за своими друзьями, в темноту, но не могу заставить ноги шевелиться. Сердце колотится, в ушах звенит, дыхание перехватывает. Воздух здесь спертый и затхлый, и наверняка токсичный. Я чувствую, как на лбу выступают капли пота. Что, если там в туннеле случится что-то плохое? Что, если я умру в этой тьме? Что, если?..

Кто-то берет меня за руку. Я смотрю на пальцы, сжимающие мою ладонь, затем поднимаю глаза и вижу лицо Кины. Она пристально смотрит мне в глаза и улыбается – едва уловимо, одним уголком губ. Какая же она красивая.

Сердце замедляется до нормального ритма, и я снова могу дышать.

– Не хочешь прогуляться? – спрашивает Кина, улыбаясь шире.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

– Да, – отвечаю я, – да, хочу.

И мы вместе ступаем в темноту.

Предположения Игби о том, что идти придется минут десять-пятнадцать, оказались неверными. Прошло полчаса, а мы все еще идем по туннелю. Но теперь я спокойнее, контролирую свои эмоции.

Я оглядываюсь. Рен прижимается спиной к стене, испуганно озираясь по сторонам. Пандер все время рядом, следит, чтобы с Рен ничего не случилось. Под в нескольких метрах передо мной, остальные идут впереди.

Я отпускаю руку Кины и шагаю быстрее, чтобы догнать Поду. В голову пришла мысль, своего рода способ убедиться, что все это реально.

– Эй, Под, – зову я его, хлопая по плечу.

– Лука, – отвечает он, – здорово, приятель. Извини, что мы так поздно пришли за тобой. Мы не сидели на месте, пытались спланировать ваш побег. Тебе было, наверное... не могу даже представить.

– Эй, вы пришли за мной, вытащили меня оттуда, это главное, – отвечаю я. – Под, тебе это покажется странным, но... можешь сказать, где вы с Акими были во время битвы в Мидуэй-Парке?

– Да не, ничего странного, – улыбается Под.

– Нет?

– Не-а. Хэппи мучила тебя симуляциями, разве нет? Пыталась извлечь из тебя информацию, заставляя верить, что определенные картины были реальны?

– Точно! – подтверждаю я.

– И ты сейчас думаешь, что если я сообщу тебе то, что ищет Хэппи, то это поможет понять, реально ли все это или нет?

– Именно!

Под смеется:

– Черт, по ходу, технологии у них крутые, если они могут так ярко симулировать реальность. Должно быть, они использовали твои собственные воспоминания, чтобы воссоздавать знакомые тебе события и людей.

– Все верно, – отвечаю я, притихнув.

– Думаю, уже не важно, слышит ли нас Хэппи, мы давно уже покинули те укрытия. Мы с Акими были в закусочной на окраине города. Твоя сестра и остальные Клоны в старом подземном банковском хранилище в финансовом квартале, остальные заключенные были в... что ж, этого не могу сказать, пока не придем.

Вот оно, последнее доказательство того, что я и правда свободен. Я хочу поблагодарить его, но слова застревают в горле.

Под кладет руку мне на плечо.

– Ты выбрался оттуда, брат, поверь мне.

Я киваю, сглатывая слезы. Меня беспокоит кое-что еще.

– Эй, как тебе удалось схватить меня?

– Не понял?

– Когда я прыгнул в машину, но промахнулся?

– Не понимаю, о чем ты.

– В Блоке, меня тогда подстрелили, когда я прыгал к машине, а ты поймал меня.

– А почему я не должен был тебя поймать?

– Ну, сам знаешь, потому что... – я осекаюсь, понимая, что не хочу упоминать тот факт, что Под слепой, это было бы грубо с моей стороны. – Просто ты...

– Медлительный? – предполагает Под.

– Нет, не медлительный, просто...

– Большой и неуклюжий?

– Нет, не то...

– Больше ничего на ум не приходит, – говорит Под, пожимая широкими плечами.

– Да так, ничего, – сдаюсь я.

– А, погоди, – откликается Под, поднимая палец вверх, – потому что я слепой?

– Да! – подхватываю я, пожалуй, с чрезмерным энтузиазмом.

– Ага, понял, если я тебя не вижу, ты считаешь, я не могу спасти тебе жизнь?

– Нет, нет, нет, это не то, что я...

– Думаешь, если я слепой, то не могу быть достойным членом команды?

– Вовсе нет, я бы никогда так не подумал...

Под закатывается смехом и хлопает меня тяжелой рукой по спине.

– Тебя так легко завести, Лука, – произносит он сквозь смех. – Конечно, я мог тебя не поймать, ради всего святого, я же слепой! Ну, то есть в полной тишине я мог бы определить, где ты стоишь, услышать твои движения, да брось ты!

Я тоже смеюсь, хоть и не так увлеченно, как Под.

– Тогда как ты это сделал?

– Мои глаза исцеляются, – объясняет Под. – Постепенно, очень медленно, но я могу видеть тени, а при ярком освещении различаю очертания фигур. Совсем скоро я смогу видеть лица, деревья и океан. Пойми меня правильно, Лука, я ненавижу Хэппи за то, что она сделала с нами, со всем миром, но последняя Отсрочка вернула мне зрение.

«Ну конечно! – думаю я. – Вот почему Пандер не носит слуховой аппарат и очки». Я улыбаюсь:

– Я рад за тебя, Под.

Радость за друга напоминает мне о том, что я теперь свободен.

«Я свободен! Черт возьми, свободен!»

Мое хорошее настроение испаряется секунды через четыре, когда раздается звук хлыста, эхом разносящийся по всему туннелю, затем еще раз, и еще.

– Что, черт возьми, это такое? – спрашивает Акими, шагая впереди.

Игби бежит обратно к нам, звуки становятся все громче, превращаясь в грохот. Кажется, темнота туннеля отступает по мере того, как нарастает шум. Я смотрю в сторону источника этих звуков и вижу далеко впереди яркие огни на потолке, загорающиеся один за другим. Каких-то ламп не хватает, другие просто перегорели, некоторые взрываются ливнем тлеющих углей, когда через них впервые за десятилетия проходит электричество, но большая часть все же работает.

Наконец, огни над нами оживают, освещая далеко вперед некогда темный, как смола, туннель.

– Как? – недоумевает Игби. – Мы находимся в радиусе действия преобразователя, они не должны были нас обнаружить... – Игби ошарашенно смотрит на Рен. – Где ее шапка? – спрашивает он тихо, а затем громче: – Когда она сняла ее?!

Мы все оглядываемся на Рен, и она смотрит на нас вызывающе.

– Не знаю, – отвечает Пандер.

И теперь в туннеле раздается новый звук, знакомый пронзительный вой подземного поезда.

До меня тотчас доходит: Хэппи отследила нас до этих туннелей, используя паноптическую камеру Рен, и перенаправила энергию обратно в старую систему метро. Поезд, в котором мы ехали, мчится в нашу сторону. Либо ИИ решил, что мы больше не нужны ему живыми, либо полагается на наши способности самоисцеляться и надеется, что хоть кто-то выживет, когда поезд нас собьет.

Под наклоняет слегка голову набок, а затем кричит:

– Бежим!

Я делаю шагов пять на ногах, которые практически разучились бегать, и замечаю, что Рен не двигается с места.

– Рен, бежим! Давай!

Туннель настолько узкий, что в ширину поместится только поезд, мы не можем переждать, когда он проедет мимо – нужно двигаться вперед.

– Не подходи ко мне! Не подходи ко мне! – чем ближе поезд, тем громче она кричит.

Я подхожу к ней медленно, не желая ее напугать.

– Рен, послушай меня. Я не обязательно должен тебе нравиться, ты можешь меня не помнить, но сейчас ты должна мне довериться. Если не побегим, то погибнем. Я без тебя не уйду.

Она отчаянно смотрит в сторону приближающегося поезда, потом на меня:

– Я не знаю тебя, – говорит она.

– Нет, знаешь, Рен. Мы друзья, и уже давно. Ты заботилась обо мне, когда я больше всего в этом нуждался, а теперь я позабочусь о тебе. Пожалуйста, пойдем со мной.

Рен снова оглядывается на уже оглушительный шум несущегося поезда, затем на меня. Наконец, она кивает, и мы бежим.

Мои ноги словно свинцом налиты, в туннеле становится ужасно жарко. Я бегу как во сне, когда все идет не так, как ты хочешь. Рен, несмотря на то, что у нее вместо легких САПК⁴ и АЛМ⁵ там, где когда-то было сердце, бежит медленнее меня. Из-за долгих недель жатвы энергии и паралича ее мышцы атрофировались настолько, что она передвигается, спотыкаясь, невыносимо медленно.

Кина впереди остановилась и ждет нас. Она смотрит за наши спины, и в ее глазах панический ужас при виде приближающегося поезда.

Я иду наравне с Рен, подбадривая ее, пытаюсь не обращать внимания на потоки горячего воздуха, выталкиваемые приближающейся машиной.

Мы догоняем Кину и теперь бежим все вместе.

– Тридцать метров, – кричит Кина, – всего тридцать метров до платформы!

Я уже слышу грохот и треск поезда, слышу, как металлические колеса дребезжат на скорости на металлических рельсах. Должно быть, он уже близко, совсем близко.

Воздух кружится, визг и грохот поезда такие громкие, что не слышно ничего, кроме крадущейся смерти за спиной.

И вот наконец появляется платформа.

Акими хватает Рен и тащит ее. Пандер поднимает Кину на платформу, а Игби удивительно сильными руками хватается за предплечья и спасает от поезда, который в ту же секунду со свистом пронесется мимо.

Мы с Киной лежим на платформе, пытаюсь отдышаться. Рен в шоке смотрит в потолок.

– Вот дерьмо, – выдыхает Кина шепотом, когда грохот поезда утихает.

– Ненавижу туннели, – говорю я, и Кина смеется.

Под тоже начинает смеяться, а за ним Пандер, Игби и Акими.

– Пандер, – зовет Игби, – не найдется запасная шапка в сумке?

Порывшись в сумке, Пандер достает новую шапку. Она снова надевает ее Рен на голову, опуская ниже на лоб, чтобы спрятать камеру.

– Эй, – я решаюсь задать вопрос, терзавший меня с тех пор, как Пандер накрыла мою всевидящую паноптическую камеру, – а где ваши шапки?

– Они нам не нужны, – с улыбкой отвечает Акими.

– Почему? – спрашивает Кина.

– Увидишь, – отвечает Под.

Мы поднимаемся по старым неработающим эскалаторам, которые кажутся бесконечными. Стены украшены древней рекламой старинных театральных представлений и выцветшими общественными плакатами, информирующими пассажиров о том, что в этом районе действуют карманные воры.

Мы подходим к ряду покрытых пылью билетных турникетов и перепрыгиваем через них. Пандер то и дело оглядывается на Рен, чтобы убедиться, что та не сняла шапку. Наконец мы доходим до ступеней, которые ведут к выходу, заколоченному досками.

– Ладно, – обращается к нам Пандер, опуская рюкзак на пол. – Дальше будет сложнее, действовать нужно быстро, поскольку они догадываются, где мы. – Она достает блокнот и ручку

⁴ САПК – Система Автоматического Пополнения Кислородом.

⁵ АЛМ – Автоматические Легочные Модераторы.

из своей сумки и быстро что-то пишет, затем поднимает блокнот так, чтобы я, Рен и Кина могли прочесть написанное.

«Там Старый город. Как только выйдем, бежим на север. Между зданием суда и Церковью Последней Религии есть открытый канализационный сток. Спускаемся туда. Там нас встретит доктор Ортега».

Ошеломленный происходящим, я едва не спрашиваю вслух, кто такая доктор Ортега, но вовремя спохватываюсь. Очевидно же, что Пандер написала это, чтобы встроенные в нас микрофоны ничего не услышали.

Мы шагаем по бетонным ступеням, и Под отодвигает массивный кусок обвалившейся стены, закрывающей отверстие, ведущее наверх.

Один за другим мы выползаем на улицу, быстро перемещаемся от одного укрытия к другому и останавливаемся между старым зданием суда и церковью.

Пандер первой забирается в открытый люк, за ней идет Рен, затем Кина. Следом спускается Под, потом я. Игби идет последним.

В самом низу лестницы я по щиколотку погружаюсь в холодную грязную воду, и мне приходится слегка присесть, чтобы пролезть в еще один туннель. Он сделан из кирпича, настолько узкий, что позволяет перемещаться только гуськом. Воняет ужасно, кажется, я сейчас задохнусь, что ничуть не облегчает растущий страх перед замкнутым пространством.

– Сюда, – шепчет Акими и ведет нас дальше под городом.

Мы следуем за светом ее фонаря минут десять и доходим до лестницы на стене, ведущей наверх к другому кирпичному туннелю.

Мы поднимаемся, темнота и вонь канализации остаются позади, и попадаем в помещение, напоминающее старую ванную комнату, облицованную плиткой.

– Что это за мес... – начинаю я, но неожиданно женщина в хирургической маске вонзает мне в руку иглу. – Что за черт?

Я наблюдаю, как женщина, пошатываясь, словно пьяная, подходит к Кине и делает ей укол.

– Что это? – спрашивает Кина.

К тому времени как третий укол делают Рен, мир вокруг меня начинает плыть и растворяться. Цвета будто сливаются в один, все становится серым, и наступает темнота.

Периодически я прихожу в сознание. Я слышу невнятный женский голос с акцентом Региона 100.

– Любви ради... Он исцеляется так быстро, как мне оперировать? Кто-нибудь, принесите мне еще четверть пластыря.

– Нет! – слышу я крик Пандер. – Хватит «Побега», ради Бога, вы же оперируете.

– Кто-нибудь, напомните-ка мне, с чего бы мне слушать приказы ребенка? Христа ради, эти древние инструменты – просто варварство какое-то! Где мои роботы? Мои нанотехнологии? Дайте мне пластырь, под кайфом я лучше работаю. Несите пластырь!

– Вы уже под кайфом. Просто продолжайте, – бормочет Пандер.

– Каждый день слышу: «Продолжайте работать, доктор Ортега! Делайте, что сказано, доктор Ортега!» Знаете что, а ведь я могу и уйти! Да, могу, и вы мне не нужны!

Я пытаюсь открыть глаза, но чувствую сонливость и онемение. Спор между Пандер и доктором из Региона 100 постепенно отдаляется, я перестаю понимать слова и снова проваливаюсь в сон.

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Открываю глаза и пытаюсь сесть, но не могу.

Я парализован. Я заперт в своей крошечной камере в Блоке, не могу двигаться, не могу кричать, не могу плакать.

Жестокость Хэппи никогда не вызывала сомнений, но последняя уловка – это уже подлость. Зачем? Раньше Хэппи хоть пыталась выудить у меня информацию, а сейчас она просто мучает меня без причины.

Если бы я мог, я бы заплакал.

Я пытаюсь вспомнить все подробности произошедшего. Пандер и Кина пришли во время жатвы энергии и разбили трубу. Мы сбежали с Рен через крышу, Игби вел летающий автомобиль. Что потом? Трудно вспомнить, словно все было во сне. Озеро, поезд в метро, канализация.

Все было так реалистично, а я был настолько глуп, что поверил.

Какой-то звук вырывает меня из раздумий. Я не могу повернуть голову, чтобы посмотреть, но уверен, что звук исходит от металлической двери моей камеры. Ровный лязгающий звук становится все громче.

Потом раздается грохот, и я уверен, что дверь выломали.

Раздаются шаги, медленные, неторопливые, они приближаются к моей кровати.

В поле зрения постепенно появляется лицо человека, и мое сердце начинает биться быстрее.

– Здравствуй, Лука Кейн, – говорит Тайко.

Последний раз я видел Тайко Рота незадолго до того, как он накачал меня наркотиками. Его план заключался в том, чтобы отделить меня от группы, накачать наркотой и убить, потому что он винил меня в смерти своего брата. На самом деле это Молли, моя сестра, столкнула его брата с крыши Вертикали «Черная дорога», но она сделала это лишь потому, что он собирался застрелить ее.

От покушения Тайко меня спасли Дэй и Шион Чо – мать и дочь, пережившие план Хэппи по уничтожению человеческой цивилизации, будучи во время химической атаки под кайфом. Шион выстрелила в Тайко шесть раз. Тайко мертв, я знаю, так что это еще одна попытка Хэппи мучить меня кошмарными видениями.

– Я убью тебя, Лука Кейн, – говорит Тайко и поднимает руку. Он крепко сжимает в кулаке нож с длинным блестящим лезвием и вонзает мне в грудь.

Я не чувствую, но вижу, как Тайко с трудом достает нож из моей груди, чтобы вонзить его в меня снова и снова.

Боковым зрением замечаю, как кровь начинает стекать к моей голове, пока он наносит удар за ударом, не переставая улыбаться. И думаю: «По крайней мере, все кончено. Наконец все закончится».

День 2 вне блока

Глубоко вздохнув, я сажусь. Я весь потный, какое-то время пытаюсь понять, реально все это или просто сон.

Я оглядываюсь. Поначалу комната кажется незнакомой, но потом я узнаю ее – это комната, облицованная плиткой, где доктор вколол мне седативное. Во мне зарождается хрупкая надежда, но я отвергаю ее. Я знаю, что надежда, когда она уже разбита, куда болезненнее, чем любая физическая боль.

Но все правда, все реально, я уже не в Блоке.

Я издаю тяжелый долгий вздох, который на пару мгновений переходит в рыдания искреннего облегчения, затем собираюсь с силами и стараюсь вспомнить все, что произошло.

Кажется, та женщина оперировала меня. В голове начинают просыпаться новые воспоминания. Отсрочки: научные эксперименты, которым правительство подвергало нас в Аркане в обмен на отсрочку казни; они испытывали на моей коже различные хирургические порезы, вводили мне вирусы, чтобы потом на мне же опробовать разные экспериментальные лекарства, вырезали хрящи из бедра. Но то, что произошло в этой комнате, не было Отсрочкой.

Я оглядываюсь: облицованная плиткой комната освещена лишь тусклым светом, проникающим через матовое стеклянное окно высоко под потолком на дальней стене.

Я лежу в кровати посреди комнаты. Кина спит на другой кровати справа от меня, а Рен – слева.

Я осматриваю запачканные стены, сантехнику, старые гнилые деревянные кабинки у дальней стены.

«Да это же ванная комната! – доходит до меня. – Они что, оперировали меня в старой ванной? И потом, зачем им это?»

На небольшом столике из нержавеющей стали в углу я вижу набор примитивных медицинских инструментов: скальпель, несколько длинных заостренных пинцетов, набор щипцов, которые с виду скорее кухонные, чем хирургические. Все эти инструменты испачканы кровью.

Я стягиваю с себя тонкое одеяло и начинаю осматривать свое тело на наличие следов операции. Конечно, наши раны быстро заживают, но они все равно оставляют след, если порез достаточно глубокий. Я замечаю два длинных прямых шрама на обоих запястьях и понимаю, что мне удалили электромагнитные наручники-манжеты. Не задумываясь, я протягиваю руку ко лбу, где должна быть паноптическая камера, и больше не чувствую бугорок, из которого раньше торчало крошечное устройство.

Я мгновенно успокаиваюсь: теперь меня не так легко обнаружить, я в безопасности. Забавно, учитывая, что правительство заставило людей носить такие камеры якобы в целях безопасности.

Дверь в ванную со скрипом открывается, и внутрь заглядывает Игби.

– Привет, – шепчет он, – как себя чувствуешь?

– Неплохо, – шепчу я в ответ, слезая с кровати и шагая к нему. – Который час?

Игби открывает передо мной дверь, и я оказываюсь в самой огромной старинной библиотеке из всех, что когда-либо видел.

На минуту я застываю в изумлении, пораженный величием этого места. Три этажа заполнены тысячами и тысячами старомодных бумажных книг.

– Почти пять часов вечера, – смеется Игби. – Ты был в отключке практически весь день!

– Что?.. Где это мы? – спрашиваю я, озираясь по сторонам.

– Какая-то старая пыльная библиотека, – отвечает Игби, пожимая плечами. Он указывает на куполообразную стеклянную крышу, как в соборах. – Оттуда у нас обзор в триста шестьдесят градусов. Если Хэппи пошлет кого-то из своих прислужников в нашу сторону, мы об этом узнаем.

Я поднимаю глаза и вижу наверху Акими – она сидит в импровизированном гнезде, сделанном, похоже, из офисного стула, подвешенного дюжиной веревок. Акими медленно вертится, осматривая город.

– Ничего себе! – восхищаюсь я.

– А это, – продолжает Игби, указывая на новенькую «Вольту» категории 9 в идеальном состоянии, стоящую посреди комнаты на мозаичном полу, – моя малышка. И наш план побега.

– А ты и правда любитель полетать на машинах сквозь крыши, – примечаю я.

– Это охренительно круто и весело, Лука, – отвечает Игби, улыбаясь мне. – Хотя, вероятно, теперь, когда нас стало больше, мне придется подыскать ей замену, что-то повместительнее.

Я медленно оборачиваюсь, оглядываясь кругом. Все окна (за исключением стеклянной куполообразной крыши) закрыты металлическими листами, прибитыми к стенам заклепками. Двери заколочены таким же образом, но не меры безопасности привлекают мое внимание. Глазами я блуждаю по полкам с книгами: один раздел с надписью «СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА», другой гласит «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», следующий – «НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, МИСТИКА, ФЭНТЕЗИ»; дверь с надписью «ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ», массивный полукруглый стол у главного входа и стеллаж, полный древних графических романов, и это только первый этаж.

– Как вы нашли это место? – спрашиваю я, не в силах скрыть восхищение.

– Да мы как-то наткнулись на него, когда убегали после Мидуэй, – отвечает Игби. – А вот она была уже здесь, – он указывает на доктора, который меня оперировал. Я замечаю, что к ее запястью приклеена половина пластыря «Побег».

– Кто она? – интересуюсь я.

– Спятивший врач. Доктор Абриль Ортега. Она обожает «Побег» и постоянно под кайфом, но зато отличный хирург. Она удалила паноптические камеры нам всем.

– Вы нашли ее здесь? – спрашиваю я.

– Ага, свихнувшуюся. Все твердила: «Они убьют меня за то, что я сделала. Я почти все разрушила». Мы до сих пор понятия не имеем, что за хрень она несла. Думаю, она и сама не знает.

Словно в ответ на его слова доктор зашевелилась и открыла глаза.

– Вы, мерзкие мальчишки, что, наблюдаете, как я сплю?

– Нет, – отвечаю я, теряясь от ее сонного обвинения.

– А почему нет? Я что, некрасива?

– Я... я... – я оглядываюсь на Игби, но тот лишь пожимает плечами. – Вы красивы, но я вовсе не наблюдал за вами.

– Хорошо, – отвечает она, отворачивая лицо в другую сторону. – Смотреть, как кто-то спит, не очень романтично. Кроме того, мне тридцать лет, я для тебя старовата, малыш.

Я снова поглядываю на Игби, который, закатив глаза, молча шевелит губами: «Ей сорок пять». Мы уходим в дальний конец большого зала.

– Значит, она провела вам такую же операцию? – уточняю я.

– Ага, – отвечает Игби. – Никаких больше наручников и камер. Она не может удалить устройство из сердца, поскольку оно срослось с кучей артерий и все такое. Попытайся она, даже с нашей возможностью исцеления, мы были умерли.

– О, новый друг! – раздается странный мультяшный голос откуда-то сверху.

– О, Последние боги, дайте мне сил, – бубнит Игби.

– Что, черт возьми, это было? – спрашиваю я, оглядываясь в поисках источника этого голоса.

Неожиданно я замечаю, как в мою сторону мелькает пятно света с третьего этажа.

– Плодожор, выруби питание! – кричит Игби, но дрон величиной с воробья не слышит его: не успеваю я сообразить, что к чему, как он уже кружит у моей головы.

– Привет, новый друг! Я Плодожор, а как тебя зовут?

– Эм-м-м, чего?

Игби выходит вперед и, повысив голос, повторяет:

– Плодожор, выключи питание!

Дрон, в котором я теперь узнал дрона-спутника, игнорирует его и продолжает летать вокруг моей головы.

– Я люблю заводить новых друзей! Как тебя зовут? Хочешь шутку услышать?

– Плодожор! – кричит Игби, и дрон замирает, зависнув в воздухе прямо перед моими глазами.

– О, привет Игби! – отвечает Плодожор с ноткой осторожности в компьютеризированном голосе.

– Я велел тебе выключиться.

– Но я не хочу выключаться! – мрачно отвечает дрон.

– Мне плевать, я просил тебя отключить питание, так что делай, как велют.

Желтые огни Плодожора становятся сердито-розовыми. Дрон подлетает к Игби и проецирует на его лице разъяренного огра. Эффект такой убедительный, что я теряю дар речи и могу выдохнуть только:

– О-о!

– Что такое? – недоумевает Игби. – Этот тупица что, использует свое дурацкое приложение для изменения лиц?!

Я смеюсь при виде того, как лицо огра идеально синхронизируется с мимикой Игби.

– Черт тебя дерь, Плодожор, а ну отключись! – командует Игби-огр.

– Ладно! – отвечает дрон и угрюмо опускается на пол, проекция огра исчезает с лица Игби.

Огни Плодожора полностью гаснут, за исключением одного крошечного красного огонька, мигающего рядом с базой.

– Какого черта это?.. – начинаю я, но Игби перебивает меня, вытянув руку вперед.

– Плодожор, – говорит он, глядя на маленькую насекомообразную машинку, – я знаю, что ты не отключился.

Прождав несколько секунд, дрон-спутник отвечает:

– Отключился я.

– Тогда как ты можешь мне отвечать, если выключен? – требует Игби.

Дрон молчит.

– Ну?

– Ладно! – наконец, отвечает дрон. В этот раз гаснет и мигающая красная лампочка.

Я поднимаю взгляд на Игби.

– Что? – это все, что мне удастся выговорить, я в полном замешательстве.

– Это, – отвечает он, вздыхая, – Плодожор.

– И... почему? – по-прежнему недоумеваю я.

– Мы используем его в наших миссиях, помимо скремблера, – отвечает Игби так, будто я должен понять, что это значит.

– Не понял?

– Я установил скремблер, так называемый преобразователь для наблюдения с радиусом в пять километров. Это в значительной степени делает нас невидимыми для Москитов и любых других технологий, с помощью которых Хэппи сканирует город, – объясняет он, используя жаргонный термин для обозначения дронов-наблюдателей. Их называют Москитами из-за размеров и писклявых звуков, которые издают их солнечные двигатели. – Но в конечном итоге нам придется выйти за пределы этого пятикилометрового радиуса, и тогда нам понадобится передвижной скремблер – Плодожор. Мы модифицировали его, внедрив функцию камуфлирования, глушилку и – если ничего не поможет – простой лазерный луч, слепящий камеры.

– Понятно, – говорю я, – а что с личностью?

– Когда-то он был детской игрушкой, ну, еще до конца света. В принципе он работает на технологии Хэппи, но нам удалось отключить его от сети. Под пытался стереть его личность, но клянусь, он становится все более и более невыносимым каждый раз, когда мы пытаемся это сделать.

– Вы двое? – уточняю я. – Ребята, которые могут без особого труда завести локомотив, не имея ключей, и заставить древний поезд ехать – не можете стереть личность игрушки?

– Заткнись! – отвечает Игби, толкая меня. – Это невозможно!

– Ага, конечно, – смеюсь я.

– Отвали, – Игби поднимает крошечного дрона и кладет его на стол. – Подойди сюда, хочу кое-что тебе показать.

Игби ведет меня к стойке, которая, должно быть, когда-то в далеком прошлом была стойкой администратора. Он перепрыгивает через нее, скользя по лакированной деревянной столешнице. Я обхожу сбоку и наблюдаю, как он снимает с пола тонкий коврик и кладет его на стул; одну за другой убирает половицы, пока, наконец, не появляется люк.

– Глянь, – зовет меня Игби, беря в руки тот же ноутбук, с помощью которого он запустил поезд в метро, и спускается по деревянной лестнице в темноту.

Я следую за ним вниз и оказываюсь в узком коридоре, который ведет куда-то вперед, но не могу разглядеть, что там.

– Что это? – спрашиваю я.

– Туда мы отправимся, если скремблер не сработает против Москитов и Хэппи придет за нами, – рассказывает Игби, экран ноутбука освещает его лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.